

Ольга Трушкова

*Перекрёстки
судеб
человеческих*

Повесть. Рассказы. Стихи

Ольга Трушкова
Перекрёстки судеб
человеческих. Повесть.
Рассказы. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855923

ISBN 9785447439552

Аннотация

Очень трудно понять, кто есть кто. Зачастую под маской добропорядочности скрывается подлость, а честный, открытый, прямолинейный человек вызывает к себе такое негативное отношение окружающих, что его считают исчадием ада. И существуют перекрёстки, где в одной точке сходятся порядочность и лицемерие, подлость и честность. И называются они перекрёстками судеб человеческих.

Содержание

Помните!	6
Исчадие ада	7
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	55
Глава 7	67
Глава 8	70
Глава 9	75
Глава 10	81
Глава 11	90
Глава 12	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

**Перекрёстки судеб
человеческих
Повесть. Рассказы. Стихи
Ольга Трушкова**

© Ольга Трушкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И пусть мгновенья не всегда прекрасны, зато они всегда неповторимы!

*Моим дорогим и бесконечно любимым дочери
Наталье и сыну Дмитрию посвящается...*

Помните!

Если Господь захочет сделать вас счастливыми, то он поведёт вас самой трудной дорогой, ибо лёгких путей к счастью не бывает. И если Он даёт вам испытания, значит, знает: вы их выдержите.

Исчадие ада

Повесть

Люди всегда стараются сделать изгоем того, кто говорит правду в лицо. А зря... Такой человек никогда не нанесёт удара в спину.

Пролог

Вольготно раскинулся среди сибирской тайги посёлок с красивым названием Радужный. Добротные дома со всеми их постройками и пристройками разбрелись, кому куда вздумается, не признавая классической архитектуры и уважая только переулки. Одна Центральная улица не позволила строениям самовольничать и расположила их в строгом соответствии плану застройки.

А живёт в Радужном славное, могучее племя лесорубов со всеми чадами и домочадцами. Дружно живёт, иначе нельзя, тайга разночтений книги жизни – ой, как! – не любит. Не любит она и воровства, поэтому пришлого, коль недобрым он окажется, не принимает. Вот и не знают замков двери домов, и всегда они настежь распахнуты доброму человеку.

Наверняка, кто-то скажет, что, мол, читал он о креп-

ких запорах на не менее крепких высоких воротах в сибирских селениях. Так когда это было? В давние времена, когда «бежал бродяга с Сахалина». А в семидесятые двадцатого века всё это осталось только в былинных рассказах да в старых поселениях. Не найдёте вы в Радужном ни бревенчатых двухметровых заборов, ни крепких запоров. Тесовыми досками межуется подворья, а калитки запираются обыкновенным крючком и такие низкие, что перемахнуть через них даже ребёнку ничего не стоит.

Всякое бывает среди людей: и ссорятся они, и мирятся, кто-то уезжает в поисках лучшей доли, кто-то приезжает. Судьбы их – это множество дорог. Нередко случается, что две из них сливаются в одну и тогда люди идут по жизни вместе уже той, одной дорогой. Случается, что кто-то сделает один неосторожный шаг в сторону и пути расходятся, чтобы или вновь сойтись, или не сойтись уже никогда.

А я, как невидимый фотограф, хожу по таким вот глухим леспромхозовским посёлкам, чтобы высветить яркой вспышкой своего аппарата перекрёстки судеб простых людей, отделённых непроходимой тайгой от всех благ цивилизации, и запечатлеть на плёнке памяти. Зачем? Затем, чтобы, глядя на эти снимки, молодёжь узнала, как и чем жило поколение их отцов и дедов, а отцы и деды вспомнили свою молодость.

Глава 1

За какие такие великие прегрешения наказал их Господь Бог этим исчадием ада, никто из жителей Радужного не знал. Единственная информация свидетельствовала, что Лена Чумакова воспитывалась в детском доме и приехала к глухой бабке Иванишихе, своей дальней родственнице. А может, и вовсе не родственницей та бабка была, потому что о вылившейся на её голову седьмой воде на киселе тоже ничего не ведала. Но Лене одинокая старушка была рада, и зажили они ладно да дружно.

Угловатая девушка-подросток, резкая в движениях, оценках и суждениях, непримиримая, неуступчивая всякому роду несправедливости, Лена резала правду-матку в глаза всем, невзирая на чины и лица, за что и сыскала славу первой поселковой скандалистки. А потом кто-то сократил её фамилию и стала Лена Чумакова Ленкой-чумой.

Красотой девушка похвастаться не могла, но и дурнушкой её назвать язык не повернётся. В общем, таких девушек много, однако большие карие глаза да открытая улыбка заставляли многих парней желать её. Только вот не всегда желаемое совпадает с действительным, и отторгнутые поклонники начали бахвалиться друг перед другом придуманными победами. Особенно изощрялся в подробностях Петя Губинин. Ну, для посёлка это в порядке вещей, странно было другое.

Острая на язычок и быстрая на расправу Лена не устраивала разборок и даже не пыталась доказать обратного, а только посмеивалась: «Сплетни – пища для деревни, и пока я живу здесь, она с голоду не вымрет».

Не раз заведующая столовой, где Лена работала поваром, возмущённо выговаривала ей:

– Почему молчишь? Подойди и врежь в харю этому мерзавцу! Ты же можешь!

– Могу, – соглашалась девушка и тут же добавляла:

– Но не буду. Я сделаю по-другому. Надо только подходящий момент выбрать.

Слово своё девушка сдержала.

В прокуренной раскомандировочной, где водители лесовозов получали путёвки, стоял хохот. Петя в очередной раз расхваливал Ленины сексуальные достоинства, и никто не замечал давно уже стоявшую в дверях саму героиню сюжета. Дослушав до конца байку о себе, она подошла к парню, нежно улыбнулась ему и выдала буквально следующее:

– Петя, что я в постели хороша, об этом уже весь посёлок знает. Но почему ты скромно помалкиваешь о других моих выдающихся качествах? О моём долготерпении, например? Припомни-ка, дружок, сколько мне пришлось ждать, пока ты в своих штанах что-то нашёл? А как долго мне пришлось ждать, чтобы это «что-то» ещё и заработало? Увы, не дождалась. Механизм-то оказался бракованным...

Ещё раз улыбнувшись оторопевшему Пете, на этот раз сочувственно, Лена ласково потрепала его по щеке и вышла из кабинета.

Гробовая тишина взорвалась громовым хохотом.

Только Толя Ильиных не смеялся – он неожиданно для себя под хохот мужиков влюбился в эту странную, такую не похожую на других отчаянную девчонку.

После такого срама Петя обходил Лену стороной. Притихли и все остальные, ранее девушку «имевшие». Более того, они молили Бога, чтобы посёлок поскорее и навсегда забыл об их фантазиях. А женщины, матери взрослых сыновей, в их числе находилась и своенравная Ильиниха, при скандалах желали друг другу иметь Лену невесткой, что было пострашнее любого проклятия.

Время шло, а Толя, разбитной и отчаянный, способный на самые невероятные поступки, первый поселковый задир и хулиган, всё не решался подойти к Лене. При встречах с ней к нему незнамо откуда приходила робость и сковывала все движения. Это не было боязнью её острого языка, это было что-то другое. Сколько раз, собираясь в клуб, парень клятвенно уверял себя, что уж сегодня-то он непременно пригласит девушку на танец! Но танцы заканчивались одним и тем же: Толя провожал Лену до ветхой хатёнки старой Иванихи, прячась за углами домов и соблюдая приличную дистанцию. Никто, кроме Егора Вершкова, его лучшего

друга, не знал об этой странной любви.

В ту памятную субботу под звуки медленного танго, с замирающим сердцем, но с целеустремлённым взглядом, Толя решительным шагом направился к Лене и... пригласил стоявшую рядом с ней Таню Ветрову. А потом опять шёл за Леной тёмной пустынной улицей. Но на этот раз сама девушка сломала ритуал провожания.

Когда влюблённый паренёк потерял бдительность и до неприличия сократил между ними расстояние, она резко обернулась и пригвоздила его окриком:

– А ну, стоять, где стоишь!

Толя остановился, прятаться было поздно.

– А теперь – ко мне!

Он, не смея поднять глаз и сгорая от стыда, подошёл и остановился в двух шагах от Лены.

– Оторви свои зенки от земли и скажи, как долго ты будешь позорить и себя, и меня? Сколько ещё собираешься прятаться по подворотням?

Толя молчал.

Девушка взяла его за руку, и они пошли рядом. В противоположную сторону от дома, где жила старая Иваниха.

Буйствовала весна. Дурманила своим запахом цветущая черёмуха. Расцвела и любовь в сердцах Толи и Лены.

Любовь всегда подкарауливает нас там, где её совсем

не ждёшь. Их она накрыла в прокуренной раскомандировочной.

Ильиниха, громыхая плоскими-ложками-поварёшками, готовила стол к ужину.

– Чегой-то не в духе сегодня наша мать, – произнёс вошедший в кухню Илья Кузьмич и обратился к жене: – Что стряслось-то?

– Будешь тут в духе, когда в собственном доме такое творится, – пробурчала та, разливая по чашкам густой наваристый борщ.

– Мадам, прошу уточнения, что именно творится в нашем доме? – пошутил Илья Кузьмич и хлопнул жену по мягкому месту.

Лучше бы ему этого не делать! Ильиниха замахнулась на него черпаком и заорала:

– Тебя, старый чёрт, только твои карбюраторы с радиаторами интересуют, только вывозка да план! А молва, которая про нас по посёлку гуляет, это тебе, глухая тетеря, как до задницы дверца!

Илья Кузьмич пожал плечами и недовольно поморщился. Мало ли чего бабы наплетут, на то они и бабы. Неужели он, мужик, должен знать все поселковые пересуды да ещё и переживать по поводу их содержания? Но, на всякий слу-

чай, больше для того, чтобы успокоить свою разъярённую половину, попытался уточнить, какая из сплетен вывела её из привычного равновесия.

– А ты у своего любимого сыночка спроси, – съязвила Ильиниха и кивнула на Толю, который молча хлебал борщ.

Отец перевёл взгляд с неё на сына. Тот продолжал ужинать и делать вид, что перепалка между отцом и матерью его вовсе не касается.

– Анатолий, ты чего такого натворил, что мать так бесится? – строго спросил отец, но глаза его улыбались: причина необычного поведения жены лежала на поверхности.

– Ничего, – пожав плечами, спокойно ответил Толя, взял кусок хлеба и потянулся за горчицей

Ответ сына, но больше всего его спокойствие взъярило мать, и она перешла на крик:

– Ничего?! А кто с Ленкой-чумой жениться удумал?!

– Не жениться, а дружить, – поправил мать оскорблённый некрасивым словом сын.

– Ага, сначала дружить, потом, когда у ей пузо вылезет, в дом к нам привести. Так? Ты же у нас совестливый, женишься, даже если это пузо не от тебя будет!

Ильиниха подбоченилась и с вызовом посмотрела сначала на сына, затем на мужа.

– А ты чего молчишь, старый пень? Или тебе всё равно, что твой сын с этой шалавой связался?

– Лена не шалава! – тихо, но твёрдо произнёс Толя.

Он отодвинул от себя чашку с недоеденным борщом и встал из-за стола.

– Спасибо за ужин. Борщ у тебя, мама, сегодня, как никогда, удался.

Выходя из кухни, обернулся и с горечью выдохнул:

– Ладно, старухи ей кости перемывают, но чтобы и мои родные... Эх, вы!

В кухне повисло молчание. Илья Кузьмич поводит ложкой по чашке, встал и вслед за сыном направился к выходу.

– Ты тоже есть не будешь? – растерялась Ильиниха и попыталась шуткой исправить положение: – Голодовку мне что ль объявили?

Но муж шутки не принял.

– Ты, мать, помене баб слухай. А Ленку не трожь! Она девка правильная.

Однако Ильиниха совету мужа не вняла и продолжала пилить сына, только делала это уже после трапез. Ей и союзница сыскалась, старшая дочь Наталья. Толя большей частью отмалчивался.

В дружной семье Ильиных началось великое противостояние.

Через два месяца Лена засобиралась к Ильиным в гости, заявив, что пришла пора знакомиться с его родителями.

– Да ты же их и так знаешь? – удивился Толя.

Ещё бы Лене не знать матери своего избранника, которая при каждой встрече честит её самыми последними словами и плюёт вслед! Ей-то, Лене, всё равно, она стерпит. Она привычная. А вот какво Толе отбивать атаки родной семьи? Конечно, он Лене об этом ничего не говорит, только догадаться-то труда не составляет.

И вот в один прекрасный день переступила девушка порог дома Ильиных. На её приветствие Ильиниха буркнула что-то не совсем членораздельное и даже, кажется, куда-то послала. Пропустив её слова мимо ушей, Лена присела на диван, лукаво поглядывая на стоящего истуканом растерянного Толю. Отец, улыбаясь в прокуренные усы, пробасил:

– Мать, ты что, не видишь – у нас гостя в доме? Наладь-ка стол по-быстрому да Наташку с мужиком ейным покличь. Посидим по-семейному.

Наталья, жившая через дорогу, пришла без приглашения. Она увидела Лену, когда та поднималась по ступенькам крыльца отчего дома, и поспешила на помощь матери – от этой Чумы можно чего угодно ожидать.

«Тяжёлая артиллерия в помощь матушке пожаловала, – наливаясь праведным гневом, подумал Толя. – Ну, уж нет! Приму оборону по всей линии фронта, но Ленку в обиду не дам! Хотя почему оборону? Да я разгромлю всех в пух и прах, если её хоть единым словом заденут!»

Лена посмотрела на него и всё поняла. Это с ней он робкий, а на самом деле – парень со взрывным характером, сама имела возможность в этом убедиться. Среди молодёжи взрываться – это ладно, это можно, а иной раз даже нужно. Но не в родном же доме? Надо исправлять положение.

– Наташка, помоги-ка матери стол накрыть, – приказал отец.

– Я помогу, – Лена встала с дивана и подошла к Ильинихе. – Ты, мама, только скажи, что надо делать.

Ильиниха онемела.

– Не рановато ли ты, голубушка, мою маму мамой называть стала? – ехидно пропела Наталья.

– Не рановато. Пусть привыкает, – спокойно ответила Лена.

Теперь онемела и Наталья.

Толя уже был готов пойти в атаку, но Лена улыбнулась ему и тем самым предотвратила взрыв. А потом она повернулась к Наталье и терпеливо разъяснила прописные истины:

– Она не только твоя мама, но и Толина, значит, и моя. Мы ведь скоро поженимся, правда, Толя?

Обрадованный Толя закивал головой. Он пока не мог сделать Лене официального предложения – ждал обещанной директором квартиры, да и отказа побаивался, а тут всё разрешилось само собой.

– А жить где будете? – пришла в себя Ильиниха.

– Как где? – удивилась девушка. – С вами, конечно. Кто-

то из детей завсегда остаётся с родителями, чтобы ухаживать за ними, когда они станут старыми. Наташа живёт отдельно, значит, останется Толя, потому что больше никому.

Лена обвела всех своими огромными чистыми глазами и добавила:

– Но если вы против, то у моей бабушки поселимся. Она согласится.

– Да мы не против, – ответил отец. – Садись, дочка, матери Наташка поможет.

Всю дорогу от дома Ильиных до дома старой Иванихи Лена шла молча, на вопросы Толи отвечала односложно и явно невпопад.

– Ленка, что с тобой? Всё же было хорошо.

Девушка остановилась, повернулась к нему и прошептала:

– Толь, а я ведь сегодня первый раз в жизни сказала «мама»...

Она уткнулась лицом в его плечо и тихо заплакала.

А в это время в доме Ильиных обстановка опять начала накаляться.

– Да неужто, кроме этой Чумы, ему другой девки не нашлось? – причитала Ильиниха. – За какие грехи мне такое наказание?

– А ты в памяти поройся, глядишь, и отыщешь, – пряча улыбку в усах, посоветовал жене Илья Кузьмич и тут же стал серьёзным:

– Вот чего вы, бабы, на девчонку взъелись? Кому из вас она насолила-то?

– Грубая, кому хошь, нахамит. В общем, прошла и Крым, и Рим, весь посёлок только от одного её имени лихорадить начинает. Как такую оторву в наш дом брать? Да она же всех нас в бараний рог скрутит! – возмутилась Наталья.

Прищуренные глаза отца буквально пробуравили дочь и ничего хорошего не пообещали.

– Вообще-то, она не в ваш с Федькой дом войдёт, а в наш с матерью. Рим с Крымом прошла, говоришь? Так это ты брось! Это ты при мне даже поминать не смей! Забыла, как про тебя грязную сплетню по посёлку пустили? Забыла, как тогда белугой ревела и грозилась руки на себя наложить, если имя твоё опять чистым не станет? Только у тебя защита была: мы с матерью, Анатолий, Федька. А Ленке чем защищать себя от разных сволочей, если не грубостью? Была бы мягкой да деликатной – слёзами бы давно на нет изошла.

– Ни одна уважающая себя девушка не ввалится так бесцеремонно в дом парня, с которым дружит, – Наталья стояла на своём.

– Да-да! А ещё и заявила, что собирается здесь поселиться! – поддержала её мать.

Отец укоризненно покачал головой.

– Вы бы, бабы, подумали своими куриными мозгами, каково было девчонке к нам прийти? Думаете, она надеялась, что мы её тут хлебом-солью встретим? А ведь пошла! Потому что любит нашего Анатолия, потому что мира нашему дому желает. Не хочет она, чтобы мы из-за неё ругались промеж собой да парня поедом ели, чем вы и занимаетесь почти месяц или того более. Сами посудите, другая на её месте просто увела бы его за собой, и плевать ей на всех нас с высокой колокольни! А Ленка вон как всё правильно рассудила про то, что не всегда мы с тобой, мать, при силе будем, что нам самим скоро догляд потребуется. Поэтому и жить с нами собирается, хотя прекрасно видит, что не очень-то её здесь ждут. Знает она, на что идёт, но идёт! Ты ей спасибо за то сказать должна, а не вопить тут всякие слова глупые. Она тебя матерью назвала. Слышишь? Матерью! Вот и будь ею для девчонки!

На Анатолия гляньте, дуры безмозглые! Вы раньше его таким счастливым видели? Нет. Так какого рожна душу ему травите? Разве мы с тобой, мать, не для того живём, чтобы у наших детей лица светились и глаза блестели?

– Наташа правильно про бараний рог сказала. Она же, по-ди, всем командовать тут возьмётся?

Ильиниха всё ещё по инерции сопротивлялась, но где-то в глубине души не могла не согласиться с правотой мужа.

Илья Кузьмич расхохотался:

– Так вот, оказывается, чего ты боишься! Боишься поте-

рять свою командирскую должность! А ты не теряй, ты просто передай её невестке – и делу конец. Будя, накомандовалась! Пора и отдохнуть. Спиной своей, наконец, займёшься, а то сколь уж лет на неё жалобишься, а до обследования дело не доходит.

– Кто же за хозяйством ходить будет, зачни я по больницам ездить, – вздохнула Ильиниха.

– Вот сама видишь, как вовремя у нас невестка появилась.

– Да она, поди, и коровы-то в глаза не видела, доить не умеет, – сомнения всё ещё одолевали женщину, но это было уже что-то другое.

– Коровы не видела? Покажешь! Доить не умеет? Научишь! – твёрдо сказал Илья Кузьмич.

Он встал с дивана, потёр затёкшую поясницу.

– Всё, дискуссия закончена раз и навсегда! Все слышали? А я пойду в гараж, проверю кой-чего в своём КраЗе.

– Так у тебя же по скользящему графику завтра выходной, вот завтра и проверишь. Чего сегодня-то на ночь глядя туда переться.

– Хочу завтра вместо Анатолия в рейс пойти. Пусть они с Ленкой заявление в сельсовет отнесут, чтобы всё по-людски было.

– Сговорились! – ахнула жена.

– Пока нет, – улыбнулся муж. – Вот он со свиданки возвратнётся, тогда и сговоримся. Ладно, мать, мне пора. Надо ещё механика предупредить о замене. Ты тут не скучай без

меня. А заскучаешь – в клуб на танцы сбегай.

Он подмигнул ей вышел из дому.

– Придумает же, «на танцы»... – проворчала она ему вслед и тоже улыбнулась.

Назавтра Толя пришёл в столовую, где Лена работала поваром, и они отправились в сельсовет подавать заявление.

Справлять свадьбу или обойтись семейным застольем? Мнения разделились, причём, поровну. Отец, зять и Толя требовали пиршества, а женщины настаивали на скромной вечеринке. И сколько ни уговаривала Лена своего будущего мужа отдать свой голос в пользу женской команды, какие веские аргументы ни приводила, тот оставался непреклонен. А когда уж и сама Ильиниха переметнулась в стан «противника», в этом вопросе поставили точку, потому что большинством голосов решили: свадьбе быть!

Наталья где-то по великому благу достала отрез белого атласа и на следующий день сама повела Лену к Дарье Вершковой, которая считалась великолепной белошвейкой. Туфли и фату в целях экономии приобрели в комиссионном магазине, а место покупки хранили в строжайшей тайне от жениха – тот настаивал, чтобы у его невесты всё было новое и по высшему разряду. В том же комиссионном и для Толи нашёлся костюм. Брали «на глаз», но с размером в самый раз угадали. Готовить блюда и пировать решили в столовой.

Ильиниха даже помолодела в этой радостной суете.

И вот настал долгожданный день.

Почти весь посёлок собрался возле сельсовета, всем хотелось посмотреть, как будет выглядеть Ленка-чума в новом обличье.

Вышли новобрачные на крыльцо сельсовета, и ахнул народ – настоящая королева! Белое платье сшито так, что все достоинства ладной фигурки подчёркивает. (Постаралась Дарья, что и говорить.) Каштановые волосы, прежде всегда конским хвостом на затылке резинкой перетянутые, под фатой не умещаются и тяжёлыми локонами по плечам разлеглись. (Это уже Наталья работа.) Движения плавные, угловатости, как и не бывало. Глаза счастьем светятся. Вот что любовь с человеком сделать может! Наверное, не один парень пожалел в этот момент, что не разглядел эту красоту в её повседневной одежде и не ему Лена досталась. Но тут уж, как говорится, каждому – своё. Толя-то Золушку полюбил, не Королеву, в Королеву Золушку любовь превратила. Оказывается, такое не только в сказках случается.

Глава 2

Худо ли, ладно ли, прошло четыре года. В семье Ильиных уже подрастала Светка, баловница бабки и деда, но Лена оставалась такой же неукротимой поборницей за справедливость, такой же Ленкой-чумой для всех, нарушающих кодекс совести и чести. А уж стоять на страже семьи, так это ей, не иначе, как сам Господь Бог велел.

Но Лена пресекала на корню прелюбодеяния не потому, что это в Библии грехом названо, а потому, что от этого дети страдают. Если нет детей, она не вмешивалась – пожалуйста, прелюбодействуйте на здоровье!

Произошла эта история, когда Любовь Яковлевна, врач-терапевт, ушла в отпуск, а на её место прислали молодую фельдшерицу. Конечно, замена не эквивалентна, но это только на два месяца, да и фельдшерица, как утверждал главврач их больницы, была очень даже знающая. Она и впрямь оказалась толковым специалистом, посёлку пришлось ко двору, но случился у той молоденькой фельдшерицы роман с трелёвщиком Серёгой Кораблёвым. Рецензий местных сплетниц на тот роман пока не было, но подозрения, что он имеет место быть, уже появились. Всё бы ничего, да женат был Серёга.

Увидев как-то его беременную жену с заплаканными гла-

зами, Лена прижала её к стенке и выяснила причину слёз. Поначалу, конечно, та не хотела говорить правды, стыдно, но потом всё рассказала. Разве могла пройти мимо такого безобразия Лена, тем более что Лида была не только её соседкой, но и лучшей подругой? Конечно, нет!

Улучив момент, когда Серёга направлялся в магазин, Лена подкинула трёхлетнюю Светку свекрови и догнала его. Пристроившись рядом, она завела разговор и между всем прочим сообщила, что есть, де, у неё знакомый ветеринар, который кастрирует паршивых кобелей в человеческом облике. Для чего? Для какой-то диссертации да ещё для того, чтобы эти паршивые кобели сирот не плодили.

Не надо Серёге ржать, Лене это не нравится!

Что? Трёп? Так он сам может проверить, трёп это или чистая правда. Лена с превеликим удовольствием порекомендует Серёгу своему знакомому ветеринару в качестве исходного материала. Бояться не надо, всё пройдёт на высшем уровне! Пол-литра водки для анестезии Лена, так уж и быть, сама купит. Ничего не поделаешь, наука требует материальных затрат. А ассистировать ветеринару на операции Лена фельдшерицу попросит. Вот прямо завтра с утра и попросит. А чего откладывать?

Какую фельдшерицу? Да ту самую, к которой кобель Серёга, то есть, «исходный материал», начал шастать, наплевав

на жену и будущего ребёнка! Именно из-за таких серёг многие дети потом нередко в детском доме оказываются, как, например, она, Лена.

В общем, славу и Серёге, и фельдшерице-ассистентке Лена обеспечит. Но это ещё не всё. Лена постарается – Лена очень постарается! – устроить им обоим такую райскую жизнь, что мало не покажется! Это она может, Серёга знает!

Лида, конечно, своего ребёнка не бросит, она бросит подлого Серёгу. И правильно сделает! Вот родит, сойдут с её лица коричневые пятна, и станет Лида ещё краше, чем была до беременности. После родов с женщинами завсегда так бывает, сама Лена тому доказательство. И мужик Лиде достойный сыщется, да не такой, который только для ветеринарных опытов годен, а настоящий! И не Серёгу, который по бабам шастает, а того – настоящего! – мужика сын с гордостью бабтей называть будет. Зачем сыну такой отец, который предал его ещё до рождения?

Ну, ладно, Лена всё сказала, а Серёга пусть теперь это проанализирует и сделает выводы. Конечно, про того ветеринара она всего-навсего своей заветной мечтой с ним поделилась, но всё остальное вполне реально.

Возвращаясь из магазина, Серёга вдруг вспомнил, какой жена была до беременности, и подумал, что вряд ли после родов она станет краше, чем в девках была. Краше ей стать просто невозможно, некуда краше быть-то. А когда предста-

вил, что муж Лиды не он, а кто-то другой, и что его сын чужого дядю бате́й кличет, то от злости на того мужика чуть калитку не вынес, заходя в свою ограду.

И вообще, какой дьявол его, Серёгу, «налево» направил?

Возле дверей кабинета терапевта, где приём вела коварная фельдшерица, потенциальная разлучница, сидели три старушки.

– Бабулечки, вы меня не пропустите без очереди? Мне только выяснить тут кой-чего надо, это недолго, – обратилась к ним Лена.

Старушки согласно закивали головами.

Лена вошла в кабинет, вежливо поздоровалась и присела на стул. Фельдшерица оторвалась от бумаг, посмотрела на вошедшую, ответила на приветствие и произнесла привычное:

– Карточка есть?

– Конечно, есть, но она не понадобится. Мне нужно только мозги вправить.

Лена пристально рассматривала молоденькую медичку. Так, голос тусклый, глаза тоскливые. Ага! Значит, Серёги вчера у неё не было. Факт!

Фельдшерица с удивлением посмотрела на странную па-

циентку.

– Вправить мозги? А что у вас с мозгами?

– У меня? – удивилась в свою очередь Лена. – У меня всё в порядке. Это у тебя, милая, с ними проблема.

– Не у «тебя», а у «вас».

– Правильно, – согласилась Лена, – у вас. У тебя и у Серёги. Но его проблема, судя по твоему не очень-то счастливому виду, уже решена.

– По какому праву вы лезёте в мою личную жизнь? – возмутилась фельдшерица и повысила голос. – Немедленно покиньте кабинет!

– Да не вопи ты так, я же тебя не бью, – поморщилась Лена и уточнила: – Пока не бью.

Уточнить было просто необходимо – должен же человек знать, чем может закончиться их встреча, если он займёт неправильную позицию.

– Что вам от меня нужно? – сбавила тон фельдшерица.

– Вот с этого и начинала бы, а то развизжалась, как свинья, неделю не кормленная. В коридоре, между прочим, бабушки сидят, мигом разнесут по всей деревне, как я гулящую медичку пи... , извиняюсь, воспитывала. Оно нам надо?

Лена взяла со стола жгут и, помахивая им, со всей присущей ей деликатностью изложила цель своего визита, но хозяйка кабинета не поняла её благих намерений, поправила белую шапочку, едва держащуюся на пышных кудрях, и с вызовом уставилась на Лену

– А если у нас любовь?

– Я тебе ещё раз говорю, Серёга женат! – Лена продолжала терпеливо увещевать фельдшерицу, изо всех сил стараясь оставаться вежливой и говорить только приличные слова.

– Жена не стена...

Но закончить избитую фразу девушка не успела. Поправ абсолютно все нормы приличия, Лена почти вплотную приблизилась к её лицу своё, вмиг покрывшееся багровыми пятнами нешуточного гнева, и, потрясая жгутом, прошипела:

– Слышь, ты, курва в колпаке! Я тебе сейчас такую стену покажу, что ты не только забудешь Серёгино имя, но и как родную мать величать не сразу вспомнишь!

От неожиданности девушка резко отшатнулась, и белоснежная шапочка слетела с пышных кудрей прямо Лене под ноги. Та её подняла, встряхнула и напялила фельдшерице на голову по самые уши.

Девушка с неподдельным страхом взирала на Лену, но женщина уже успокоилась и села на стул.

– Ладно, жену ты отодвинешь. А дитё куда денешь?

Гнева в её голосе уже не было, только укоризна.

– Какое дитё? У него нет детей...

– Пока нет. Но Лида скоро родит.

– Сергей мне ничего об этом не говорил, – растерялась фельдшерица.

– Вот видишь, значит, нет в его планах пункта на тебе жениться, иначе сказал бы. Такое не утаишь. Да и от алиментов

куда бы он делся?

– А это правда? – недоверчиво покосилась на Лену фельдшерица.

– Что, правда? Планы Серёги или его ребёнок?

– И то, и другое.

– Про беременность Лиды ты у Николаевны, нашего гинеколога, можешь полюбопытствовать, только не советую – себя выдашь. Про вас в посёлке пока ещё толком никто не знает, только догадываются. А про планы тебе и так должно быть понятно – Серёга-то вчера не пришёл.

Лена подошла к девушке, поправила шапочку, выпустила из-под неё на лоб светлый завиток, полюбовалась своей работой и её милостивым личиком.

– Ты посмотри на себя, ведь такая симпатичная деваха! Зачем тебе конь под уздой, когда вокруг столько необузданных жеребцов гарцевать будет, только свистни?! А на чужом горе ты себе счастья всё равно не построишь.

Взглянула на часы.

– Ладно, пойду я. А ты, милая, подумай над тем, что я тебе сказала. Крепенько подумай! Но если надумаешь что-то неправильное, тогда я ещё наведаюсь.

Лена взялась за дверную ручку.

– Подождите, – окликнула её фельдшерица. – Вы, наверное, и есть Лена Чума?

– Она самая! – гордо произнесла Лена. – И ношу это зва-

ние, как орден Красного Знамени.

– Ой, простите, я думала это ваша фамилия, – смутилась девушка, – а прозвище – Змея подколотная.

– Ну, уж нет, – возмутилась Лена, – змеёй подколотной сроду не была, не в моём характере исподтишка кого-то жалить! Всегда в открытую... А на самом деле я Лена Ильиных.

– А я Люда.

– Вот и познакомились, – улыбнулась Лена, но тут же посторожала. – Только ты всё же помни: семья – это святое, и ругать её никому не дозволено!

Вскоре Любовь Яковлевна, не использовав и половины дарованного государством отдыха, вышла на работу и фельдшерица уехала. Про то, что была такая история в Радужном, знают только те, кто к ней причастен был.

А через два месяца в посёлок приедет молодой терапевт, и начнётся новая история, в которой переплетутся и любовь, и подлость, и простые человеческие радости.

Глава 3

Ирина окончила медицинский институт, имела право на свободный диплом, но пользоваться этим не стала, а по распределению приехала в Радужный. Ей было всё равно, куда ехать. Леспромхоз, так леспромхоз. Сельская местность женщину с маленьким ребёнком устраивала даже больше: здесь дали временное жильё, пообещав со временем отдельную квартиру, и выделили вне очереди место в детском саду для Кирюши. Кто бы в городе предоставил всё это простому интерну?

Посёлок Ирине понравился, устроилась она довольно сносно, только вот никак не складывались отношения с Любовью Яковлевной, к которой её, молодого специалиста, прикрепили набираться опыта.

Любовь Яковлевна слыла среди населения очень знающим терапевтом, но человеком весьма сурового нрава и, вдобавок ко всему, была страшной грубиянкой. Однако первое по списку настолько перевешивало два остальных, что те казались блёклыми и почти ничего не значили.

С Ириной Любовь Яковлевна обходилась без церемоний, каждое неверное действие молодого врача вызывало в ней бурю эмоций. «И чему только вас нынче в институте обучают? Хотя дураков учи – не учи...» – это было самым дели-

катным комментарием на малейшую оплошность молодого специалиста.

От своей наставницы Ирина узнала, что интерны не только в Африке водятся, но и в их больнице; что, сколько волка ни корми, он всё равно давление быстро мерить не научится; что, оказывается, поставить такой диагноз, какой поставила стажёрка (кстати, совершенно правильный), даже их санитарка Верка сможет, и пусть Ирина Павловна за это не ждёт аплодисментов. Когда же Ирина нечаянно уронила градусник, то Любовь Яковлевна не только сразу определила, откуда у той растут руки, но и своим криком оповестила об этом всю больницу, присовокупив к оповещению три этажа ненормативной лексики. Градусник, к счастью, остался цел, но если бы он разбился...!

Присутствие Любви Яковлевны, казалось, сковывало не только все движения молодого специалиста, но и мыслительную деятельность, она всё больше и больше робела перед своей наставницей, теряла уверенность в себе и в своих знаниях. А когда Ирина совсем уж собралась поставить крест на врачебной практике и уехать куда глаза глядят, в кабинет вошёл главврач Иван Степанович и сообщил, что три дня Ирина Павловна будет самостоятельно вести приём, поскольку Любовь Яковлевна отлучилась по неотложным делам.

– А я справлюсь? – растерялась Ирина.

– Любовь Яковлевна сказала, да.

– Она так сказала? Не может быть!

– Что, доняла вас своими придирками? Вы не первая и не последняя, – улыбнулся Иван Степанович. – Вам фамилия Язовицкая о чём-нибудь говорит?

– Конечно. Надежда Олеговна читала нам курс «Внутренних заболеваний».

Ирина не могла взять в толк, какое отношение имеет доцент Язовицкая к предмету разговора.

– Так вот, – объяснил Иван Степанович, – в своё время эта самая Надежда Олеговна каждый день горькими слезами умывалась в этом кабинете. Зато теперь к каждому празднику шлёт Любове Яковлевне поздравления. Лет двадцать шлёт, если не более. Так что если хотите стать настоящим врачом, то мой вам совет: терпите и учитесь.

Немного помолчал и завершил разговор:

После приёма загляните-ка ко мне на чашку чая, расскажете, как день прошёл, и меня, старика, послушаете.

За чашкой чая Ирина узнала, что Любовь Яковлевна, выпускница медицинского института сорок первого года, всю войну провела в прифронтовых госпиталях. Там они с Иваном Степановичем и встретились.

– Я ведь, Ирина Павловна, местный, – пододвигая тарелку с домашней выпечкой ближе к гостю, неторопливо вёл

беседу старый врач. – Когда пришёл с фронта домой, здесь только полуразрушенный медпункт был, да и тот на замке. Сбил я старый замок, повесил новый, приступил к работе, но, чувствую, не справляюсь. Народу-то много: и местные, и эвакуированные, которым возвращаться некуда, и высланные из Прибалтики и с Украины «враги народа».

При этих словах горькая улыбка скривила губы Ивана Степановича, он тяжело вздохнул.

– А вокруг Радужного ещё четыре лесоучастка, там тоже люди живут. Народу много, да мало среди них здоровых, одному мне просто физически невозможно справиться. Разыскал Любу и Таню, Татьяну Марковну, нашего педиатра.

– И Татьяна Марковна тоже с вами на фронте была? – удивилась Ирина. – Вы тоже там познакомились?

– Нет, с ней мы ещё до войны друг друга знали, учились в одном институте, только на разных факультетах. Я с её сестрой Дашей дружил, к свадьбе дело шло, а тут – война. После войны разыскивал Дашу, а нашёл Таню. Даша погибла ещё в сорок втором... под Сталинградом.

Иван Степанович снял очки и долго протирал линзы.

– Простите, – прошептала Ирина.

Он кивнул головой, ничего, мол, и вернулся к прежней теме.

– Разыскал я их, значит, сюда сманил, и теперь мы уже втроём начали приём вести. Кого-то лечили амбулаторно, кого-то в район направляли. Тяжёлых сами везли на ГАЗи-

ке... правда, довести не всех успевали – до него от нас восемьдесят километров. Стационар позарез был нужен! Начали мы обивать высокие пороги. Ох, и долго же канитель тянулась, но всё-таки добились строительства больницы в Радужном. А всё она, Люба... Ураганом в любой кабинет могла ворваться и пообещать сидящему в высоком кресле кое-что с корнем вырвать, если он нужную ей бумагу не подпишет. Уж поверьте мне, старику, так и было.

А Ирина ничуть и не сомневалась в том, что именно так всё и было.

Иван Степанович светло улыбнулся своим воспоминаниям и продолжил:

– Вот с пятьдесят восьмого года и стоит наша больница. Вы обратили внимание, сколько пристроек прилеплено к основному зданию? Это мы так расширялись. Теперь и стационар свой имеем, и специалистов. Их мы тоже по крупичкам собирали и продолжаем это делать. Сейчас нам стоматолог позарез нужен, но кто поедет, если нет оборудования? Вот Люба и пошла опять по кабинетам, опять будет грозить чиновникам ущербом невозполнимым в случае, если упрямиться станут. Но дня через три, думаю, вернётся.

Он посмотрел на часы и виновато произнёс:

– Совсем заболтался, простите. На Любу не обижайтесь, характер такой. А о вас она очень хорошо отзывается, у этой

девчонки, говорит, наша, лекарская, жилка есть! Поверьте, Ирина Павловна, это высшая похвала. Считайте, что она вам пять с плюсом поставила.

– Ну, Иван, ставь магарыч! – войдя без стука в кабинет главврача и едва поздоровавшись, потребовала Любовь Яковлевна.

– Неужели тебе удалось пробить броню и у нас появилась надежда иметь стоматолога? – боясь поверить в это, спросил он.

– А как ты думал? Не такие крепости брали! – явно гордясь собой, ответила она и устало опустилась на стул.

– Любонька, краса моя, да я тебе... да я для тебя...

– Чаю налей, – не дослушав его посулов, приказала Любовь Яковлевна. – Совсем, старый пень, разучился за женщинами ухаживать.

Услышав, что Любовь Яковлевна, оказывается, женщина, он остолбенел.

– Тебе что, сто раз про чай напоминать надо? – поинтересовалась Любовь Яковлевна.

– Сейчас, моя голубушка, сей минут, – пришёл в себя главврач и засуетился. – У меня и прянички есть, Тоня вчера стряпала. Тебе покрепче?

– А давай, как на фронте. Чифирнуть хочу и закурить.

– Ты с ума сошла? Тридцать лет ни чифирила, ни курила, а тут – на тебе! Разве так можно? – он удивлённо посмотрел на женщину, потом рассмеялся: – А, я понял, ты пошутила!

– Пошутила, Вань, конечно, пошутила. Наливай, как всегда. С молоком, – успокоила его фронтовая подруга и подумала: «Не знаешь ты, Ваня, что теперь мне всё можно». Она подошла к окну и задумчиво процитировала строчки из популярной песни:

Скоро осень, за окнами август,
От дождя потемнели кусты...

За окнами, действительно, был месяц август и шёл мелкий противный дождь.

Глава 4

На смену дождливому, холодному августу пришёл на диво тёплый сентябрь. Установились погожие дни бабьего лета, когда ещё по-летнему тепло, но во всём чувствуется приближение осени. В зелёную листву деревьев то там, то тут уже начала вплетаться лёгкая позолота, побурела трава, всё чаще по утрам вместо росы всё покрывалось изморозью. Но всходило солнце, обогревало землю, и Ирине не хотелось думать, что скоро наступят холода, ей придётся носить в дом дрова, топить печку, ходить на обледеневший колодец за водой и расчищать от снега тропинку от крыльца и до калитки. Да и чего об этом думать, если дни стоят погожие и ещё по-летнему тепло?

Она вошла в здание больницы, поздоровалась с женщинами, сидящими у дверей терапевтического кабинета, и открыла дверь. Любви Яковлевны, которая приходила раньше всех, в кабинете не было. Время приёма приближалось, оставалось всего пять минут. Надо у Ивана Степановича спросить, что ей предпринять: начать приём самостоятельно или дожидаться Любовь Яковлевну?

А Любовь Яковлевна в это время сама входила в кабинет главврача.

– Ваня, дай мне отпуск без содержания, – поздоровав-

шись, она прошла к столу и положила заявление.

Тот удивился:

– Так у тебя же два или три месяца назад был очередной? Почему не использовала? Тогда тебя могла и Людмила поменять. Она хоть и фельдшер, но иному врачу сто очков наперёд даст. А сейчас кто за тебя останется? Не дам, и не прося!

– Слушай, друг любезный! – вспыхнула женщина. – Я у тебя за все эти годы хоть что-нибудь просила?

– Нет.

– Так чего ты тут выкаблучиваешься? Или власть над мной решил продемонстрировать?

– Это ты зря, – обиделся Иван Степанович, – я власть никогда и ни перед кем не демонстрирую. Но ты не ответила на главный вопрос: кто за тебя останется?

– Ирина и останется. Она девка с головой. Вот сегодня ещё проверю её на Катке Вершковой, та уже в коридоре ошивается, если не ошибётся наша молодуха, то за себя и оставлю. А ошибётся – выпру её к такой матери и заберу заявление.

– Ты бы, Любовь Яковлевна, помягче с ней, совсем девочку зашугала, ты хоть свой кнут-то чередуй с пряником.

– Без тебя знаю, не дура! – отрезала Любовь Яковлевна. – Сегодня всё и решится: пройдёт испытание – начну давать ей и пряники... по кусочку.

– Испытание-то в чём заключается? – осторожно поинтересовался Иван Степанович. – Что за авантюру ты замысли-

ла?

А, пустяк, – она беспечно махнула рукой. – Какая авантюра? Больным Ирина диагнозы уже почти безошибочно ставить может. А удастся ли ей отличить мнимого больного от настоящего? Катька-то чего к нам пожаловала? Она же здоровая кобылица, на ней пахать можно! Не так уж трудно догадаться, что за освобождением от сельхозработ припылила – сентябрь на дворе, студентов скоро в колхозы на картошку погонят. Вот эта девица и...

Стук в дверь прервал обвинительную речь Любови Яковлевны по делу недостойного поведения Катьки-кобылицы, позорящей честь советской студентки и комсомолки.

– Войдите!

Ирина смутилась, увидев Любовь Яковлевну, но та поняла, почему стажёрка пришла к главврачу, и махнула рукой:

– Идите в кабинет, Ирина Павловна. Я сейчас буду. Приём начнём вместе и ровно в девять.

Катерина вошла в кабинет первой, поздоровалась и тут же выдала в адрес Любови Яковлевны кучу комплиментов: какая она умница, какая она пробивная, это же надо – зубного врача для их больницы выбила, весь посёлок только и говорит...

– Ты, голубушка, песни петь сюда явилась? – не совсем деликатно перебила её адресат дифирамбов. – Так я от твоего пения сегодня до трёх утра заснуть не могла. Живу-то

возле клуба, а голосиной тебя бог не обидел. И так всегда, как только ты в Радужном нарисуешься. Давай по делу, больные в коридоре ждут.

Слово «больные» Людмила Яковлевна выделила особо. «Странно, с пациентами она всегда ведёт себя корректно и сдержанно». Ирина с недоумением посмотрела на Людмилу Яковлевну и занялась Катериной.

– Что беспокоит?

Девушка присела на стул и пожаловалась на давление. Оно, действительно, было высоким, но на лице признаков гипертонии обнаружено не было: ни багровости, ни бледности. Да и активность пациентки вызывала сомнение.

– И часто у вас бывает такое давление?

– Ой, по-всякому. То низкое, то высокое. Иногда так поднимется, что прямо голова раскалывается.

Катерина подняла на Ирину свои честные-пречестные глаза, и ту, как молнией, ударило: зрачки! Как же она сразу не обратила на это внимания? Опять оплошала! А ведь сколько раз ей Любовь Яковлевна в мозги вбивала, что осматривать пациента следует с языка, радужки и зрачка! Правильно она говорит, что интерны не только в Африке водятся и сколько волка ни корми... Эх...

– Я сейчас выпишу направление на анализы, обследуем вас. А пока вот вам назначение в процедурный кабинет, там вам укол поставят, чтобы снизить давление.

Катерина взяла бумажку, но уходить не спешила.

– Мне бы справку...

В прищуренных глазах Любови Яковлевны затаилась насмешка. Она повертела в руках авторучку, положила её стол.

– А как у тебя с почками? Год назад, помнится, имелось подозрение на пиелонефрит? Подлечила их... или как?

Девушка что-то хотела сказать, но Любовь Яковлевна жестом руки остановила её объяснения.

– Слышь, Пугачёва, ты пока в коридоре побудь, а мы тут с Ириной Павловной обсудим твой... гм, диагноз.

«Вот старая ведьма! Придётся, видно, как и в прошлый раз, на картошку ехать. Хоть бы на пенсию скорее ушла! Вообще-то, эта чокнутая ветеранка и так, кажется, давно на пенсии», – подумала Катерина, закрывая за собой дверь.

– Пишите ей справку об освобождении от сельхозработ, – приказала Любовь Яковлевна.

– Да вы что, Людмила Яковлевна! Она же, по-моему, крепкого кофе наглоталась, чтобы давление поднять! Посмотрите на её зрачки! – и рассеянно добавила: – Одного не пойму, где она такой дефицит достала?

– Спасибо, просветили, – фыркнула наставница и откинулась на спинку стула. – Я это ещё в коридоре заметила. Где кофе достала, удивляетесь? Так тут как раз всё просто: Людмила, тётка её московская, им присылает всякий дефицит.

А справочку вы, Ирина Павловна, ей всё же сделайте. Толку на сельхозработах от девицы всё равно не будет, она там

только парней перессорит да государство зря харчи потратит на эту лентяйку.

– А что у неё с почками? – поинтересовалась Ирина, выписывая справку.

Любовь Яковлевна засмеялась и пообещала рассказать, но только в минуту досуга. В коридоре ждали больные.

– Вы справку ей сами вынесите, не хочу её ещё раз в кабинете видеть, настроение себе портить в самом начале рабочего дня.

«Надо же! Любви Яковлевне и одного взгляда хватило, чтобы раскрыть секрет высокого давления у Катерины. Вот бы мне научиться так ставить диагнозы! – с завистью подумала Ирина. – А девица-то какова? Как же ошибочна внешность! Интересно, неужели она и в самом деле отважилась провести Любовь Яковлевну? И на чём? На кофе! Да на это только сумасшедший решится!»

Вот так состоялось знакомство Ирины и Катерины.

Когда закончился приём, узнала Ирина и про «больные» почки Катерины, история с пиелонефритом оказалась ещё банальнее, чем с давлением.

Ровно год назад обратилась Катерина к терапевту с жалобами на боль в пояснице и частое мочеиспускание. Любовь Яковлевна осмотрела девушку, резко ударила в область почек, но реакции болящей не последовало. Вернее, реакция

была, но несколько запоздалой и совсем не похожей на ожидаемую. Как и положено, ушла Катерина с направлениями на общий анализ крови и мочи, назавтра принесла результаты. Вроде, и подтверждается диагноз, но засомневалась чего-то врач и велела Катерине сдать всё повторно, предупредив, что теперь кровь и мочу проанализируют она сама, то есть, терапевт Любовь Яковлевна.

Конечно, блефовала она, ничего бы она не анализировала, не её работа, но психологическое давление на лаборантку в любом случае оказать бы сумела. Однако даже этого делать не пришлось, то есть, психологически давить никого не потребовалось – не пришла назавтра Катерина. И после не пришла. Только сегодня появилась, через год. Хотели лаборантку уволить за то, что анализы под диагноз подогнала, но ограничились строгим выговором – специалист она отменный. Где такого найдёшь, когда и заваливающегося-то в глубинку калачом не заманишь?

– Ну, всё, пора по домам, – завершила повествование Любовь Яковлевна.

Когда за Ириной закрылась дверь, она тяжело поднялась со стула и направилась к главврачу.

– Ты, Вань, выбрось-ка моё заявление, повременю я с отпуском.

– Что, теперь Ирину Павловну, как и обещала, пошлешь к такой матери? Она не прошла твоей проверки? – испугался

Иван Степанович.

– Да прошла она, прошла. Только одну оставлять пока рановато: у неё ещё печень слабо пальпируется и лёгкие не всегда верно простукиваются. С фонендоскопом-то Ирина правильно диагностирует, а не будь его под рукой, что тогда? Помнишь, как у нас он один на троих был, тонометра же так и вообще не имелось? А ведь давление мы с тобой почти безошибочно определяли. По налёту на языке.

– Ну, вспомнила бабка, как девкой была, – улыбнулся Иван Степанович и посерьёзnel. – Теперь-то такого не будет... Быть не должно!

– Дай бог, дай бог, – задумчиво произнесла Любовь Яковлевна и вздохнула. – Но с отпуском мне всё же придётся погодить... хотя бы до весны.

– А почему именно до весны? Можно и после Нового года, – расщедрился на радостях Иван Степанович.

Любовь Павловна вздохнула и грустно улыбнулась.

– Зимой, Вань, реки льдом покрываются, «Сибирь» стоит на приколе, а я хочу родные места навестить, вдоволь Ангарой налюбоваться, детей в Братске попроведать. А пуще всего хочу на родину заглянуть, сестру повидать. Сколь уж годов-то я в родительском доме не была?! На обратном пути обязательно там побываю.

Ладно, пойду. Пока! Привет Антонине!

Обрадованный тем, что молодой врач блестяще прошла

проверку, значит, с сегодняшнего дня находится вне всякой опасности и что, несмотря на это, отпуск Любови Яковлевны всё равно откладывается до весны, главврач совсем не обратил внимания на интонацию, с какой она сообщила ему о своих планах на будущую весну.

Ближе к лету Любовь Яковлевна передаст все дела Ирине и осуществит своё желание: поплывёт по Ангаре на красавце теплоходе «Сибирь» и будет любоваться красотой сибирской природы. Только родовое гнездо она не навестит и с сестрой своей не повидается. Не будет у неё обратного пути, она навсегда останется в Братске. У Любови Яковлевны три года назад обнаружили рак, только в Радужном об этом никто никогда не узнает, даже Иван Степанович. Сын исполнит завещание матери, этой необыкновенной женщины.

Но до весны ещё далеко, а сегодня она придёт домой, достанет свои папки и опишет историю болезни одного пациента, которого, наконец, удалось исцелить от запущенной язвы желудка без хирургического вмешательства. Этот интересный случай, как и многие другие из своей практики, она подробно изложит в отдельной ученической тетрадке с надеждой, что кому-то из коллег это может пригодиться.

А ещё она опишет состояние больного раком, жить которому остаётся не больше года. Физическое состояние опи-

шет, не эмоциональное. В медицине эмоции никому не нужны. Разве, что психиатру.

Пухлые папки с записями Любовь Яковлевна в день отъезда принесёт Ивану Степановичу, однако поговорить им не удастся, потому что в это время придёт машина с шифером, и главврач сам пойдёт пересчитывать листы, так как завхоза он отпустил забирать из роддома жену и новорожденную дочь. А когда Иван Степанович вернётся в свой кабинет, Любви Яковлевны там уже не будет. Она уедет на той же машине, которая и привезла шифер. На столе будут лежать четыре папки, на которых он увидит знакомый размашистый почерк. На трёх папках она напишет «Это для Ирины Павловны», а на четвёртой – страшное слово «Онкология».

Долго будет стоять у окна и протирать очки старый врач Иван Степанович. Он всё поймёт, но никому ничего не скажет. Если даже ему Люба ничего не говорила о своей неизлечимой болезни, значит, она хотела, чтобы об этом никто не знал.

Он тоже исполнит её последнюю просьбу. Он передаст папки по назначению.

Глава 5

Катерина, ничем не расположившая к себе Ирину и, даже напротив, вызвавшая у неё некое отторжение, почувствовала необходимость сделать молодую женщину своей подругой. Ну, на худой случай, приятельницей. Зачем? Да так, про запас. Авось, пригодится. По дороге домой девушка тщательно продумала свои действия.

– Что-то нехорошо мне, – пожаловалась она матери. – Пойду, прилягу.

Дарья бросила готовить обед и засуетилась возле дочери.

– Может, поешь чего-нибудь? Компотику из смородины и ранеток выпей.

Катерина отрицательно покачала головой.

– Освобождение-то тебе дали?

– Дали. Но ты бы видела, как смотрела на меня эта старая ведьма!

Дарья оскорбилась за «старую ведьму», которую очень уважала, хотела выговорить дочери за грубость, но, почувствовав это, Катерина не замедлила исправить положение.

– Хорошо, хоть молодая врачиха нормальным человеком оказалась, сразу поняла, насколько это серьёзно. Вот и рецепт выписала. Обследоваться, говорит, надо.

Последние слова были произнесены таким трагическим тоном, что тревога за здоровье дочери отодвинула на задвор-

ки всё остальное. Дарья уложила её в постель, укрыла байковым одеялом и вышла из комнаты. «Отдохнёт, и давление, глядишь, в норму придёт. Сон – лучшее лекарство», – подумала она.

А сон её дочери после танцев до упаду да сольного пения до третьих петухов, действительно, был необходим.

В школе закончились уроки, и младшие Вершковы с шумом и гамом ввалились в дом. Следом вошли старшие, Вера и Витя.

– Тише вы, оглашенные! – Дарья замахала на них руками. – Катю разбудите.

– А чего она днём спит? – удивилась Раиска.

– Потому что ночью песни поёт, – шепнул ей Петька.

– Так, сели за стол, быстро поели – и на картошку! – строго приказала мать, проигнорировав вопрос младшей дочери.

Слово матери было для них законом. Дети послушно расселись за большим обеденным столом, молча принялись обедать, а потом дружно взялись копать картошку.

Катерина проснулась, когда заходящее солнце уже заиграло своими прощальными лучами в кроне черёмухи, вольготно раскинувшей свои ветви под окном комнаты. Она томно потянулась, сладко зевнула и, вспомнив о своих планах, поспешила приступить к их осуществлению. Девушка вышла во двор, подошла к Дарье, которая мыла мелкую картошку телятам для подкормки.

– Мама, а ты корову вечером уже подоила?

– Нет, она ещё пасётся. А ты что, молочка хочешь? Так я сейчас тебе утрешняго налью.

Дарья обрадовалась появившемуся аппетиту дочери – знать, на поправку дело пошло! – и закричала:

– Петька! Иди сюда!

Петька, вытирая грязные руки о старенькие штаны, подошёл к матери.

– Оставь пока картошку, слазь в погреб, достань банку молока!

Мальчик направился к погребу, но Катерина его остановила.

– Ты руки-то помой, прежде чем за банку хвататься!

Гримаса брезгливости прошла по её лицу. Пришедший с работы и ставший невольным свидетелем этой сцены Егор, старший сын Вершковых, осуждающе покачал головой, но ничего не сказал. Вот с этой банкой молока Катерина под вечер того же дня и нанесла визит Ирине.

Ирина настороженно встретила нежданную гостью, но та то ли не поняла этого, то ли не захотела понять. Она весело шутила, затевала весёлые игры с Кирюшей, а на вопрос, удалось ли ей снизить давление, только рассмеялась и ответила без всякого лукавства:

– Да чего об этом говорить, если вы и сами обо всём догадались?

Потом, став вдруг серьёзной, спросила:

– Скажите, вы тоже считаете правильным, когда людей отрывают от их дела и заставляют заниматься тем, чему они не обучены? О себе я не говорю, я деревенская, всякую сельскую работу с удовольствием сделаю: что картошку выкопать, что корову подоить, что за телятами прибрать. Но почему мы, студенты, вместо того, чтобы учиться, должны ехать в колхозы-совхозы и делать работу за тех, кто обязан её делать? Ладно, студенты – это ещё полбеды, Но и преподаватели – доценты! профессора! – вынуждены в грязи рыться! Это правильно?

В голосе говорящей было столько нескрываемой горечи, что не поверить её искренности было просто невозможно.

– Нет! – завершила тираду гостя. – Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Врач – лечить, профессор – учить, студент – учиться, а колхозник – картошку копать.

Ирина с интересом посмотрела на Катерину, раскрасневшуюся в своём благородном порыве установить справедливость, и подумала, что, пожалуй, поторопилась занести её в список непорядочных особ. Девушка подкупила неискоренимого человека своей «искренностью». Но главное – Катерина не стала продолжать игры в мнимую гипертонию.

Потом они пили чай с молоком, разговаривали о студенческой жизни, всё было естественным и приятным. После того, как Катерина ушла, Ирина поймала себя на мысли, что

ей будет жаль, если на этом их знакомство закончится.

Но оно продолжилось, потом переросло в дружбу. У них оказалось много общего: им нравились одни и те же писатели и поэты, обе увлекались вязанием и лыжным спортом. А ещё Ирина тоже любила петь, и в дни всеобщих праздников со сцены небольшого поселкового клуба зазвучали в исполнении двух неразлучных подруг песни на два голоса.

Катерина познакомила Ирину со своей семьёй, и молодую женщину приняли там, как родного человека. А уж когда между ней и Егором завязалась дружба, то иначе, чем доченька, Дарья, мать большого семейства, её и не называла. Нередко, проходя в садик за Кирюшей, Ирина узнавала, что его уже забрала «мелочь» Вершковых. Она шла к Вершковым, а домой возвращались уже втроём. К их маленькой семье присоединялся Егор. Год пролетел, как один миг.

Не знала тогда Ирина, что дружба её с Катериной окажется иллюзорной, мыльным пузырём.

Жаль. Он был таким красивым, этот мыльный пузырь!

Глава 6

– Ты, Ирина, пойми меня правильно, я ничего не имею против тебя лично, но не очень-то большое счастье – чужого ребёнка воспитывать. Вот поэтому и не испытываю я радости оттого, что мой сын собирается на тебе жениться...

Ирина сидела с непроницаемым лицом, перебирала карты пациентов и, казалось, совсем не слышала, что говорила ей мать Егора. Та тяжело вздохнула, едва не пожалела о сказанном, но тут же мысленно отругала себя за мягкотелость. Вот какого чёрта она рассиропилась перед совершенно чужим человеком, когда ей нужно думать о благе родных детей? Зачем её сыну женщина с ребёнком? Неужто не сыщёт себе хорошую девушку? Права Катерина, тысячу раз права! Неприязнь к Ирине, посеянная и любовно взлелеянная дочерью, переросла в откровенную враждебность, и Дарья добилась сидящую напротив женщину:

– Я никогда не смогу относиться к Кирюше так, как буду относиться к своим родным внукам, не смогу полюбить чужого ребёнка. Да и Егор тоже. Не знаю, согласишься ты со мной или нет, но сейчас ты должна выбросить из головы даже самую эту бредовую мысль о создании семьи с Егором. А сказала я тебе всё это для твоей же пользы. Пойми, нако-

нец, что ты ему не пара!

Она повертела в руках выписанные Ириной рецепты, встала и, не попрощавшись, вышла из кабинета.

Время приёма пациентов закончилось. Ирина сняла белый халат, повесила его в шкаф, в раздумье опустилась на кушетку. Ей было больно. Ей было очень больно. В чём её вина? В том, что пять лет назад она, студентка мединститута влюбилась в такого же студента, выскочила за него замуж, чтобы спустя год «выскочить» из этого «замужа» вон, но уже с орущим свёртком на руках? «Не сошлись характерами...» Какая удобная формулировка причины развода! Теперь-то она понимает, что сначала характерами надо сходиться и уж только потом – телами, но время вспять не повернёшь.

А чем виноват Кирюша? Своим появлением на белый свет? Так он ведь на него не просился. Выходит, теперь они должны обречь себя на полное одиночество: она – на жизнь без надежды на женское счастье, сын – на жизнь без отца?

И что случилось с матерью Егора, которая всегда была так добра к ней, так приветлива?

Ирина встала с кушетки, бросила взгляд на широкое окно, за которым пасмурный ветреный день готовился уступить место такому же ненастному вечеру, и вышла из кабинета.

Ночь уже приближалась к своей середине, когда оконная рама затряслась от стука. Ирина сразу поняла, что с кем-то из жителей посёлка стряслась беда, и, наскоро накинув на себя халат, всунув ноги в тапки, выскочила на улицу.

– Ой, там мама... мама...

Галина Кузьмина, леспромхозовская кассирша, едва не села прямо на снег, но Ирина подхватила женщину, усадила на крыльцо, метнулась в дом и через пять минут уже бежала рядом с Галиной по спящей улице. Тяжёлые валенки замедляли бег, ветер швырял в лицо ошмётки снега, но она этого не замечала. «Только бы успеть! Только бы успеть!» – пульсировала каждая клеточка её тела.

Успели.

Шестидесятипятилетняя мать Галины недавно перенесла гипертонический криз, но тогда, как и сейчас, помощь пришла в срок.

– Спасибо вам, Ирина Павловна. Второй раз от инсульта маму спасаете, – провозжая взглядом машину «Скорой помощи», увозящую её мать в районную больницу, произнесла Галина. – Если бы не вы... Если хоть на полчаса опоздали бы...

– Да ладно вам, Галина Петровна, это вы молодец, вовремя ко мне прибежали. А я просто делаю свою работу.

Ирина устало улыбнулась, с наслаждением вдохнула в себя чистый, настоящий на хвое морозный воздух и пошла домой, только сейчас заметив, что впопыхах забыла надеть носки и валенки натёрли ноги. Галина догнала её уже за поворотом на центральную улицу, где стоял именуемый общежитием огромный барак, состоящий из четырёх квартир с отдельным входом. Там временно селились приезжие специалисты: учителя, врачи, итээровцы.

Ветер к утру унялся, спящие дома окутала предрассветная тишина, посёлок досматривал сны.

Ирина повернула голову к попутчице и мягко произнесла:

– Идите домой, я не заблужусь.

– Нет, нет, я вас провожу. Мало ли, чего. Вдруг какая-нибудь собака выскочит из подворотни. Вдвоём не так страшно.

Вскоре показалась крыша барака, а затем и он сам.

– Ну, заходите, коль желание есть, чайком погреетесь да малость в себя придёте после такой ночи. Всё равно спать нам с вами уже некогда, скоро на работу собираться.

Войдя в квартиру, Ирина первым делом заглянула за ширму, где спал Кирюша, поправила одеяло и погасила ночную лампу, которую включила перед уходом, чтобы малыш, ненароком проснувшись, не испугался темноты. Потом занялась печкой. Растопка из берёзовой коры сделала своё дело. Сухие сосновые дрова сразу же занялись дружным пламенем,

и выстывшая за ночь комната начала наполняться блаженным теплом. Женщина поставила на плиту чайник, выложила из кухонного шкафчика на стол кулёк с карамельками, поставила сахарницу, рядом с ней пристроила пачку настоящего индийского чая «со слонем», хлеб, а из сеней принесла кольцо домашней колбасы и кружок коровьего масла.

– Боже мой! – воскликнула Галина. – Откуда такая роскошь при наших пустых прилавках?

– Да это Егор кому-то машину чинил, вот за работу домашними продуктами и рассчитались. А чаем меня соседка одарила, ей брат из Владивостока целую посылку прислал.

Брат соседки был моряком, ходил в заграничку и баловал свою единственную сестру частыми подарками.

Галина знала от Дарьи, что Егор отремонтировал в Батагое управляющему отделением совхоза Василию Велехову его старенькие «Жигули», за починку которых уже никто и не брался, а тот на радостях привёз Вершковым два мешка комбикорма и мешок витаминного корма, что по леспромхозовским меркам – неслыханное богатство. Но про колбасу и масло Дарья даже словом не обмолвилась, значит, всё это Егор Ирине тайком принёс. Галина об этом промолчит, но вот промолчать о другом она не сможет. Уж больно жаль ей, что такой хороший человек, как их врачиха, может стать агнецом на закланье.

– Я баба простая и прямо скажу, Ирина Павловна, – при-

хлёбывая горячий чай, тихо произнесла гостья, – Егор хороший парень, но только если у вас всё серьёзно, то уезжать вам с ним надобно из посёлка, потому что...

– Серьёзно или нет, какая разница? – перебила её хозяйка. – Я вчера услышала, что ему не пара. Вот что, действительно, серьёзно, а не наши отношения.

Она вымученно улыбнулась и попыталась сменить тему:

– Вы хоть бутерброд возьмите, а то пустую воду глотаете.

Но Галина, проигнорировав приглашение полакомиться деликатесом, отодвинула чашку с недопитым чаем и тему продолжила.

– От кого слышали? Наверное, от Дарьи? Только говорит она словами Катерины! Это та исподволь своей хитростью против вас всю семью настроила, и не только мать, но даже братьев и сестёр. Я ведь, сами видели, с Вершковыми в соседях живу и подчас знаю даже то, чего и знать бы не хотела.

– Катерина?!

Ирина едва не опрокинула чашку с горячим чаем себе на колени. Да ведь сестра Егора их и познакомила! А как искренне радовалась она, когда у Ирины и её брата завязались отношения! Правда, после того, как Егор объявил о своих серьёзных намерениях, Ирина с ней не виделась, но чтобы Катерина, ставшая за этот год лучшей подругой, оказалась настолько подлой... Разум отчаянно не хотел верить сказанному Галиной.

– Да, именно Катерина! – подтвердила та. – Когда сплетни-то про вас по посёлку загуляли? – спросила Галина и сама же ответила:

– После того, как Егор решил жениться. Вот с этого момента и пошло-поехало. А раньше всё было тип-топ. Получается, что ходить к вам, спать с вами ему можно, а жениться, так это ни-ни! И думать не моги!

Ирина покраснела и не знала, куда приткнуть свои глаза, предательски набухающие слезами.

Заметив это, Галина махнула рукой и произнесла:

– Да бросьте смущаться-то! Дело житейское, и никто вас не осуждает. Вы с Егором не дети и притом свободные люди.

Ирина опять вспыхнула, но промолчала, только по лицу пошли багровые пятна. Вовремя закипевший во второй раз чайник сгладил неловкость

– Так вот, я и говорю о том, что пока Егор о женитьбе не заикался, и Катерина вас обхаживала, и Дарья. Но ведь с Егором у вас не вчера завязалось, а почти год назад. Почему же только теперь Катерина вас чуть ли не гулящей девкой честит, которая хочет захомутать её брата и своего ребёнка ему на шею посадить?

Не пара вы ему, вам сказали? Только дело-то вовсе не в вас.

– А в чём?

– Не знаете? Ну, тогда я вам скажу, чего они именно те-

перь взвились – работника терять не хотят! Ведь если у него своя семья будет, то вряд ли их семье что-то от его зарплаты перепадёт, а если и перепадёт, то много ли? Сейчас же они имеют её всю целиком, Егору только папиросы покупают. Пока Катерина не закончит учёбу, они ему не дадут жениться ни на ком. Ещё раз говорю: не в вас дело! Парень в семье пристяжным при отце-кореннике ходит. Неужели вы сами не видите, во что он одет-обут и как разнаряжена их студентка? Вот когда Катерина диплом получит, они вас с Егором, возможно, и благословят, но в тайной надежде, что станете вы, дорогая моя, при вашей-то открытости и доверчивости второй пристяжной.

– Но мы же не с ними жить будем, а своей семьёй, у нас своя упряжка образуется, – попыталась возразить Ирина, но сделала это так робко и неуверенно, что и сама себе не поверила.

– Ой, ли? – с иронией протянула Галина, но добавила вполне серьёзно: – Даже если и своей семьёй, но в Радужном, от этого ничего не изменится.

– Я не знаю, что там говорит обо мне Катерина, на что она рассчитывает, только давайте не будем ставить знак равенства между ней и матерью.

– Не будем, – согласилась Галина. – Сама-то мать ни до чего такого бы и не дотумкала, однако дочь ей, что хошь, втемяшит. В этой семье Катерина всеми верховодит, она – всему голова.

– А Николай Семёнович тогда кто?

– Кто Николай, спрашиваете? А он просто добытчик, работник. В семейные дела не встревает, там без него всё решается.

Повертев чайную ложку в руках, Галина продолжила свою мысль:

– Егор – неплохой парень, лучшего мужика желать не надо. А уж что касается работы, так в механизмах он царь и бог! – в голосе явственно чувствовалась гордость за соседа. – В общем, смотрите сами, Ирина Павловна, вам жить. Но лично мне будет жаль, если вы свою голову в ярмо засунете и будете вместе с Николаем и Егором воз тащить. Люди уже и так смеются, мол, Вершковы не только за прошлые долги парня терапевту отдают, но и за предбудущие вознаграждения.

По лицу Ирины вновь пошли багровые пятна, и, заметив это, Галина пояснила:

– Не над вами смеются – над ними.

Она вздохнула и завершила разговор:

– Спасибо ещё раз за маму и за чай.

Помолчав, виновато добавила:

– Не обижайтесь, что не смогла умолчать. Я старше вас, родилась здесь и почти состарилась, так что всё про всех знаю. Да и кто, кроме меня, вам глаза откроет? А если и откроют, то могут и Егора выставить в неприглядном виде, хо-

тя он того не заслужил. Ладно, пойду. Скоро светать начнёт. Подумайте над тем, что я сказала. Крепенько подумайте! Уезжать вам с Егором надо подальше от его родных.

Заперев за гостьей дверь, Ирина, раздавленная и опустошенная, долго сидела возле тёплой печки. Слишком насыщенными были минувшие сутки: разговор с матерью Егора, подлый удар в спину от Катерины...

Неужели всё, что Ирина узнала от Галины, – чистая правда? Похоже, да. Во всяком случае, насчёт денег.

Ирина слепой не была и, конечно же, видела, что у Егора и в пир и в мир была только итээровская куртка да старая кроличья шапка, а его сестра-студентка одевалась не в пример ей, работающей Ирине. Видеть-то видела, да как-то не придавала этому значения. Было правдой и то, что весной Дарья занимала деньги у Ирины, чтобы купить для дочери кожаную куртку, очень модную в этом сезоне. Ирина, надеявшись на обещанный скорый возврат долга, тогда почти всю свою месячную зарплату отдала, а сама сидела на воде и хлебе. Хорошо хоть сынишка в садике нормально питался. А долг ведь и впрямь не возвращён по сей день, хотя прошло полгода. Более того, о нём даже не вспоминают. Выходит, не без основания люди смеются, что Вершковы ей отда-

ли Егора за долги? Выходит, правду говорит Галина, что корысть – основа отношения Дарьи и Катерины к ней, к Ирине?

Господи! Стыдно-то как! Почему она раньше всего этого не замечала? Почему даже тот случай со злосчастным подарком для её сынишки прошёл мимо сознания?

Однажды в день получки Егор, не заходя домой, прямо из конторы пришёл к ней. И не с пустыми руками – с шоколадкой и с игрушечным КАМАЗом для Кирюши. А через час прибежала его сестра, десятилетняя Раиска, и залпом выпалила:

– Мама приказала немедленно идти домой, а то ты уже по магазинам шастаешь, тратишь деньги незнамо на кого.

Посёлок хоть и большой, но слухи там очень мобильны – весть о «преступном» деянии Егора, самовольно потратившего пару рублей, быстро дошла до его дома. Конечно, вряд ли Раиске было велено говорить то, что она сказала. Наверное, ей наказали просто позвать брата домой. Но ребёнок есть ребёнок, и произнесла она то, что запомнила из услышанного от кого-то из домочадцев. Возможно, даже не от матери. Возможно, это было ассорти из нескольких реплик. Кто знает?

Когда Егор месяц назад сделал ей предложение, она пообещала подумать. Любит ли Ирина его, она и сама не знает. Но он ей нравится. Уравновешенный. Добрый. Поклади-

стый. Кирюша к нему потянулся. Где лучшего мужа сыскать? По любви она уже замуж выходила, может, теперь достаточно и симпатии?

Да, видно, не судьба... Сражаться за Егора с пятью золотками? Нет, это не для неё, это ей не под силу. Не борец она, не борец. Да и за что ей бороться? За любовь? Так, вроде, и нет её, любви-то. Но если нет любви, тогда почему ей так больно при мысли, что Егора может больше не быть в её жизни? А если взять и назло Катерине выйти замуж?

Ирина вымученно улыбнулась этой бредовой идее. Нет, это же надо до такого додуматься – выйти замуж, чтобы кому досадить! Она с детства уверовала в то, что родительское благословение – это не просто красивый обряд, а залог счастливой семейной жизни. Не будет его, не будет и счастья. А разве благословят родители Егора их брак? Как же! Мать уже «благословила».

Что ей ответить Егору, если, сказав «да», она поставит его между двух огней, заставит метаться между ней, Ириной, и той семьёй? А как произнести «нет»? Одни вопросы, и ни одного ответа...

До возвращения Егора с областного семинара инженерно-технических работников лесного хозяйства оставалось два дня.

Глава 7

Катерина – второй ребёнок в многодетной семье Вершковых. Родилась она слабенькой, в детстве часто болела, что и сделало её положение особым. Конечно же, Дарья любила всех своих детей, но всё же львиная доля материнской любви досталась именно второму ребёнку.

Очень рано Катерина поняла, что ласковый телёнок двух маток сосёт, и эта поговорка стала её нравственным кредо на всю жизнь. Ничем Катерину природа не обидела: ни умом, ни красотой. И мало кто из окружающих, глядя на обаятельную, умную, весёлую девушку, звонкоголосую певунью и хохотушку, смог бы даже заподозрить, что за красивой оболочкой скрывается черствая, самовлюблённая эгоистка. Видно, забыли Силы Небесные вложить в эту оболочку сердце доброе, любящее, сострадающее.

Она постоянно окружена подругами и друзьями, она всегда говорит людям то, что они хотят от неё услышать. С кем-то поспорить или – боже упаси! – поругаться? Да вы что?

Кое-кто, безусловно, догадывался о её лицемерии, кто-то откровенно говорил об этом вслух, но для большинства жителей посёлка Катерина, приятная во всех отношениях, являла собой образец целомудрия, порядочности и всех остальных моральных принципов и добродетелей. Галина

Кузнецова как раз и была одной из тех немногих, кто видел этот «образец» во всей его неприглядной сути.

Как-то раз, зайдя к соседям, женщина застала Дарью и четырнадцатилетнюю Тамару за ручной стиркой белья, а шестнадцатилетняя Катерина в это время валялась на кровати с книгой. Стиральная машина была в то время дефицитом, не в каждом доме имелась, не было её и у Вершковых. А семья-то большая, за Катериной ещё четыре сестры и два брата подрастали. Егор в то время в институте учился, отец с утра до вечера в тайге лес валил, и Дарье приходилось одной и воду таскать, и стирать, и за скотом ухаживать. Всё сама, всё сама. У Катерины, видите ли, при стирке от хозяйственного мыла и порошка кожа на руках сохнет и чешется, а в стайке так тошнит, что может – не дай бог! – даже вырвать! Теперь хоть малые подросли, помогают. А у той и по сей день от домашней работы то тошнота, то рвота, на огороде её солнце нещадно печёт, на покосе комары кусают.

Прошлым летом, увидев загорающую на травке Катерину, Галина не выдержала и предложила позагорать рядом с матерью на грядках. Девушка промолчала, ничего не ответила, просто свернула покрывало и ушла, помахивая соломенной шляпой и солнцезащитными очками. Зато Дарья несколько дней ходила с поджатыми губами и здоровалась сквозь зубы. Как же! Её принцессу обидели!

После того случая плюнула Галина и перестала лезть

со своими предложениями. Поняла, что для «принцессы» существует только её собственное «я» и нет ничего святого, а самый близкий и родной для неё человек – она сама.

Глава 8

Дарья, стараясь не греметь черепками, чтобы раньше времени не разбудить мужа и малых, готовила завтрак и всё перебирала и перебирала последние разговоры с дочерью.

– Ты пойми, мамочка, – прижавшись к её плечу и ласково поглаживая её натруженные руки, тихо говорила дочь, – Егор почти не знает Ирину. А если что и известно, так это только с её слов.

Дарья сделала робкую попытку возразить ей.

– Да, вроде, неплохой она человек. Скромная, спокойная, уважительная. Врач хороший, к больным относится внимательно. Безотказная. В ночь, в полночь к больным прибежит. Вон недавно Кузьминиху от паралича уберегла.

– Я же не утверждаю, что она плохая. Просто мы её совсем не знаем. Может, она просто пристроить хочет и себя, и своего сына, поэтому и затащила нашего Егора в постель. А он женщин не видел, вот и... Ты говоришь, спокойная. А в тихом омуте, сама знаешь, кто водится, и я не исключаю, что она..., – Катерина застенчиво потупилась и с трудом выговорила: – Ну, не совсем порядочная женщина, если Егор от неё по утрам домой приходит. Может, по этой причине

и с мужем разошлась, если он у неё вообще имелся.

– Да что ты такое говоришь? – возмутилась Дарья. – «Не совсем порядочная...!» Она что, гулящая? Да и с Егором... Ты что, свечку держала?

Катерина поняла, что перегнула палку, и сделала вид, что пошла на попятную. Отступила, но, конечно же, временно – не привыкла сдавать своих позиций.

– Ладно тебе. Ну, ляпнула я не подумав.

В голосе дочери прозвучало искреннее раскаяние. Дарья погладила её по голове, вздохнула и ласково произнесла:

– Глупенькая ты ещё у меня, совсем дитя. Ох, как жить-то будешь?

«Дитю» было двадцать три года, и в этом году «оно» заканчивало учёбу в педагогическом институте.

Следующий разговор носил несколько иной характер.

– Мама, можно ли любить чужого ребёнка, как своего? – глядя на Дарью чистыми, ничуть не замутнёнными подлыми намерениями глазами спросила Катерина.

– Конечно, можно, – уверенно проговорила Дарья.

– Вот и я так думаю. Но это, наверное, только в том случае, если нет своего.

Дочь немного помолчала как бы в раздумье, накрутила на палец прядь своих белокурых волос, потом её распрямила и продолжила:

– А если свой родится? Он ведь роднее будет. Могут

и проблемы между супругами начаться. Да ещё ведь и неизвестно, какие гены унаследовало то, чужое, чадо.

– Ты это к чему такой разговор затеяла? – насторожилась Дарья.

– А к тому, чтобы Егор не совершил ошибки. Пусть не торопится с женьбой, пусть привыкнет к мальчику и нам даст время сделать то же самое. Вот ты способна полюбить его так, как любят родных внуков?

– Почему бы и нет? – уверенности в словах Дарьи явно поубавилось. – Дитё не виновато, что его родители не сумели семью создать. И, вообще, доченька, должно же быть где-то и для Ирины счастье.

Катерина пожала плечами и прекратила разговор, но в душе Дарьи зародилось сомнение. Может, и впрямь поспешает сын с женьбой? Может, и не так уж хороша Ирина, как кажется? Да и полюбит ли Дарья Киришу так, как любят родных внуков? А вдруг дочь права, вдруг Ирина совсем не такая, какой кажется?

Решающим был разговор третий. Состоялся он позавчера, когда Катерине, внезапно приехавшей среди недели и только на один день, срочно понадобились деньги на зимние сапоги.

– Мама, неужели я должна одеваться и обуваться, как вокзальная тунеядка?

Голос девушки дрожал, он переполнялся отчаянием обречённого, а в больших голубых глазах дрожали слёзы.

– Доченька, но ведь ты эти сапоги только сезон носила? Неужели нельзя ещё одну зиму проходить? Они же совсем новые, – пыталась успокоить расстроенную дочь Дарья. – Нет у нас сейчас денег.

– Вот-вот! Егор ещё и не женился, а у нас уже финансовые проблемы. Что же будет, когда его деньгами будет распоряжаться жена?

Девушка натянула на лицо маску вселенской скорби и смирилась с неизбежным будущим.

– Скоро, видно, придётся и со съёмной квартиры съехать в студенческое общежитие. Там, глядишь, и пить-курить научусь. А ведь осталось-то всего-ничего, полгода. Потом бы я уже свой хлеб ела, не обирала бы вас.

И столько покорности судьбе было в её голосе и согбённой фигурке, что у матери сердце рвалось на части.

Накормив семью завтраком, проводив мужа на работу, а малых в школу, управившись по хозяйству, Дарья пошла в поселковую больницу с жалобой на хронический артроз. Ирина внимательно осмотрела пациентку, выписала лекарства и услышала следующее:

– Ты, Ирина, пойми меня правильно, я ничего не имею против тебя лично, но не очень-то большое счастье – чужого ребёнка воспитывать. Вот поэтому и не испытываю я радо-

сти оттого, что мой сын собирается на тебе жениться...

Глава 9

Служебный леспромхозовский автобус привёз спеццов из их затянувшейся командировки глубокой ночью. Ни на-завтра, ни днём позже Егору не удалось встретиться с Ириной, и только в субботу, отложив все дела, он пришёл к ней. Обив с ботинок снег, вошёл в квартиру.

– Дядя Егор! Ты где так долго был? – радостно закричал Кирюша и бросился к нему. Но Ирина перехватила малыша и, со словами «дядя Егор с мороза, ты можешь простудиться», отправила его в комнату. Егор растерянно топтался на пороге – раньше она не боялась простуды сынишки.

– Здравствуй, Ира, – выдавил он.

– Здравствуй, Егор. Проходи, садись.

Ирина жестом пригласила его в кухню и придвинула к столу табуретку. Снять куртку не предложила.

Егор смял в руках выдавшую виды кроличью шапку, прошёл, сел, вынул из кармана и положил на стол игрушечный водяной пистолет – подарок малышу – и бросил на Ирину удивлённый взгляд. Такая близкая, такая родная, всегда приветливая и весёлая, сегодня она была совсем другой, чужой и совершенно незнакомой.

– Что-то случилось? – спросил осторожно, будто боясь услышать в ответ смертный приговор.

– Случилось, – голос Ирины прозвучал как-то тускло

и невыразительно. – Нам, наверное, лучше расстаться.

– Можно узнать, по какой причине и кому от этого будет лучше?

– Причину ты и сам знаешь. Кому будет лучше, тоже тебе известно.

Егор знал, кто и почему против их брака, только он не считал это причиной для разрыва отношений, слишком уж несущественной она казалась. Конечно, глупо думать, что сплетни не дойдут до ушей Ирины. Глупо надеяться, что это её не заденет. Но также возможно и то, что, намекая на происки Катерины, Ирина, мягко говоря, просто лукавит. Разве не глупо исключать факт, что есть что-то такое, о чём ему, Егору, знать не положено?

– Ты больше ничего сказать не хочешь?

– Нет.

– Это можно считать ответом на моё предложение?

Ирина промолчала.

Егор встал, прошёл к двери, кивнул в знак прощания головой и вышел. Что ж, нет, значит, нет! И быть посему! На душе было тяжело, домой идти не хотелось, и он, купив бутылку «Пшеничной», завернул в проулок, где жил его закадычный друг Толя. Под ногами хрустел снег, и каждый шаг, казалось, вторил тому, что беззвучно шептал Егор: «Вот и всё... вот и всё... вот и всё...»

Большая семья Ильиных готовилась к ужину. Распарен-

ный после бани Толя с полотенцем на ещё не обсохшем теле развалился на старом диване и просматривал свежий номер «Лесной промышленности». Лена накрывала на стол, Ильиниха возилась с маленькой внучкой Светкой, а Илья Кузьмич слушал по транзистору новости.

– О, какой гость! – обрадовался приходу друга Толя. – Да ещё как раз к столу!

– Это я хорошо зашёл, – улыбнулся Егор, доставая из кармана куртки бутылку. Он разделся и присел рядом. Толя свернул газету и, похлопывая ею по колену, спросил:

– А что, и у нас собираются организовывать комплексные бригады, как в Красноярском крае? Я слышал, что вас туда возили по обмену опытом, расскажи-ка про бригаду Дедова.

– Об этом давно речь идёт, только дело дальше слов пока не движется, – начал Егор, но Лена его перебила:

– Так, мужики, слезайте со своего любимого конька и присаживайтесь к столу. Папа, выключай свою тарихтелку, всё равно тебе она не скажет ничего, кроме «наша цель – коммунизм». Мама, ты где там застряла? Ужин стынет.

И Егору как-то сразу стало тепло и уютно от команд этой шумной и бесцеремонной женщины.

– Есть, мой генерал! – козырнул Толя и первым поднялся с дивана.

Разлив водку по гранёным стопкам, он на правах хозяина произнёс короткий тост «С лёгким паром всех нас!», опрокинул содержимое в рот и приступил к трапезе. Все сделали

то же самое.

– Слушай, а ты почему не у Ирины Павловны? – спросила Лена.

Егор пожал плечами и нехотя выдавил:

– Получил от ворот поворот.

– А по какой причине?

– Не объяснила.

– Не ври! – строго приказала молодая женщина. – Быть того не может, чтобы она ни с того ни с сего вот так...

– Сказала, что причину я сам должен знать.

– А ты, ущербный наш, не только не знаешь, но даже и не догадываешься?

Егор пожал плечами и горько пошутил:

– Наверное, ей другой вариант семейной жизни на горизонте замаячил.

Своего отношения к мягкотелости Егора, которого она уважала за другие несомненные достоинства, Лена никогда не скрывала, но и не демонстрировала так откровенно, как сейчас. Теперь же её просто взорвало, что он даже не догадывается об интригах Катерины. А если догадывается? А если не только догадывается, но и знает наверняка, ведь об этом давно уже судачат в посёлке? Понятное дело, слухи докатились и до ушей Ирины. Вы покажите Лене ту бабу, которая стерпит, когда её помоями поливают, а любимый человек палец о палец не ударит, чтобы прекратить это? Егор вме-

сто того, чтобы защищать Ирину Павловну, сидит тут, сопли на кулак наматывает!

От кого защищать, спрашивает? От своей семьи!

Ирина Павловна потому и выперла его, что поняла: тряпка он, а не защитник ей. И правильно сделала!

Как бы, например, Лена поступила в подобной ситуации, окажись она месте Ирины Павловны?

Лена поступила бы так же. Хотя нет, этот «например» неудачный, потому что Лена не только себя защитить может, но и Толю, если понадобится. Она, в отличие от Ирины Павловны, не интеллигентка. Она прошла детдом, огонь и воды. Даже медные трубы ей славу воздавали... недобрую, правда, но – славу.

Ирина Павловна не станет ругаться с его семьёй?

Конечно, не станет. Можно и без скандала обойтись. Лена тоже не руганью защищала их с Толей любовь. Ирина Павловна тоже так сумеет, только пусть и Егор к этому причастен будет, пусть поможет ей, а не ждёт, когда всё само собой разрешится.

Выпалив всё это, Лена взяла из рук свекрови ребёнка и ушла в спальню, бросив напоследок:

– Смотри, Егор, будешь опосля локти кусать!

Илья Кузьмич усмехнулся и одобрительно пробасил:

– Ленка – это наш и тыл, и фронт! Орлица, однако! Главнокомандующий! Вот бы и тебе, Егор, такую бабу!

Лукаво прищурившись, подмигнул сыну и, кивнув на свою половину, добавил:

– При ней даже «медные трубы» помалкивают!

Ильиниха обиделась:

– Хватит прошлым глаза мне колоть. Что было, то былём поросло. А сейчас-то чего трубам дудеть, бога гневить?

– Да я ведь, мать, не по злобе сказал, а шутя. Понимать надо!

Глава 10

Прошёл месяц после командировки Егора и последней встречи его с Ириной. За это время они два-три раза сталкивались на улице, молча кивали друг другу в знак приветствия и торопились разойтись в разные стороны. Егор неоднократно порывался зайти к ней, поговорить, но всякий раз сам себя останавливал. Что он ей скажет? То, как плохо ему без неё, как тоскливо сжимается его сердце при мысли, что всё потеряно, как любит он её? А есть ли ей дело до всего этого?

Не знал Егор, что Ирина его ждала. Ждала с самого того момента, как он закрыл за собой дверь. Ложилась спать и твердила, как мантру, строки, написанные Сильвой Капукьян:

Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желанья.
Приди, приди, приди!
Пусть с холодом в груди,
Рассеянный, далёкий,
Насмешливый, жестокий,
Приди, приди, приди!

А он всё не шёл. Наверное, не любил...

Накануне Новогодних праздников приехала Катерина. Как всегда, шумная, весёлая, она заполнила собой весь дом. Дарья засуетилась, начала собирать на стол и выкладывать припрятанные для такого случая деликатесы и сладости. Ужинали всей семьёй под аккомпанемент сестриных смешных рассказов из нескучной студенческой жизни. А когда вставали из-за стола, Катерина спросила у матери, успела ли та сшить ей новое платье.

– Нет, – виновато ответила Дарья и, заметив капризно искривлённые губы обиженной дочери, тут же поторопилась её успокоить:

– Но завтра будет готово. Я сейчас посуду приберу, подою корову и займусь им.

– Посуду приберёт Катерина. Корову доить тоже она пойдёт, – тихо, очень тихо произнёс Егор, однако в его голосе звучал металл.

Это было так неожиданно, что все враз примолкли. Первой оправилась от шока Катерина.

– Но в клубе сегодня танцы! И потом, меня Оксана ждёт.

– И Оксана подождёт, и ногами подрыгать ты ещё успеешь. А на Новогодний вечер пойдёшь в старом платье. Впрочем, старых у тебя никогда и не было. Если мама сегодня сядет за шитьё, я просто-напросто сломаю швейную машинку

и почию только после твоего отъезда.

Тот же металл в голосе. Он произнёс это так же тихо. Так же сдержанно.

Дарья сидела ни жива ни мертва. Она не узнавала всегда спокойного, молчаливого сына.

– Надо же, как быстро *она* перековала моего брата! – восхитилась способностями бывшей подруги Катерина и, обратившись к матери, укоризненно покачала головой: – Я же пыталась тебе открыть глаза на эту женщину, а ты всё долдонила, что она хорошая. Любишься теперь, доверчивая ты наша, плодами её влияния! Ишь, как *она* его против нас настроила!

Отец, доселе молча взиравший на всё это, встал, опёрся двумя руками о стол и так же тихо, как и Егор, и с таким же металлом в голосе произнёс, почти разделяя слова на слоги:

– Замолчь, Катерина! Не смей так разговаривать с матерью! Ирину не замай, ты её мизинца не стоишь! А про наряды твои Егор правильно сказал. Верка в десятом классе уже, а ходит в твоих старых сапогах, твои кофты и польта донашивает. А до неё всё это Тамарка с Нинкой носили. Витька второй год в подшитых валенках щеголяет. Томку-то с Нинкой тётка к себе в Москву забрала, сама их одевает и обувает. Про Райку с Петькой я молчу, мелочь ещё и в чём попало ходить может. Да и про себя с матерью тоже говорить не стану. Но вот Егор, молодой парень, при такой должности, а куртки нормальной не имеет. Облезлую шапку который уж се-

зон с головы не снимает. Единственно приличное, что у него есть, так это костюм и осенняя ветродуйка болоньевая, что ему тётка подарила, когда он Нинку в Москву отвозил. Вот в этом он и на совещание в область ездил в такие-то морозы. Так на кого все наши деньги уходят? Ты, гляжу, в новых сапогах заявилась, теперь понятно, об чём вы неделю назад с матерью шушукались.

Теперь вся семья взирала с изумлением уже на всегда молчаливого отца. Мать первой пришла в себя и тут же ринулась на защиту своей любимицы.

– А ты бы реже к Николаю шастал, глядишь, и Верке бы сапоги купили, и Витьке бы ботинки справили!

Взбодрённая поддержкой матери, Катерина заявила, что если бы Егор не протирал штаны в кабинете инженера, а валил лес, где зарплата в несколько раз больше, то и куртку бы имел приличную, и шапку.

В семье назревал скандал.

Отец махнул рукой, снял с вешалки телогрейку и пошёл к Николаю успокаивать нервы. Так он делал каждый раз, когда дома была Катерина, за что и прослыл в посёлке пьяницей. Но раньше он уходил молча.

Егор тоже вышел во двор. Он опёрся плечом о столбик калитки, закурил папиросу, посмотрел в сторону Центральной улицы.

Ира, Ира... Какая же всё-таки причина заставила тебя поставить на мне крест?

Впрочем, что я могу ей сейчас дать? Жалкую зарплату главного механика? Да и то не всю, а её меньшую часть, потому что надо помогать поднимать малых. Всё же не стоило торопиться с этим предложением. На что рассчитывал, дурак? Не мог подождать ещё полгода? Тут Катерина права, к тому времени и она бы на свои ноги встала. Конечно, большой помощи от неё ждать не стоит, но, глядишь, кое-что ребягне и прикупит. Должна же она быть благодарна хотя бы матери?

А сейчас у нас, как в стихотворении у Некрасова:

Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я.

Он втоптал окурок в снег, ещё раз посмотрел в ту сторону, где стояло общежитие, и с тоской выдохнул: «Ну, зачем ты сюда приехала...»

Положил в карман коробок со спичками и нащупал полиэтиленовый пакетик. Серьги. Вытряхнул их на ладонь и поднёс к свету, падающему из окна. Голубые камешки, казавшиеся в магазине сосульками, теперь выглядели двумя слезинками.

Хорошо, что не подарил, подумал он, представив, как жалко выглядел бы в глазах Ирины со своим тридцатирублё-

вым подарком.

Этот подарок Егор купил в Красноярске. Поскольку парень не располагал той суммой, с которой принято посещать ювелирные магазины, то решил приобрести какое-нибудь украшение в отделе бижутерии универмага, а в качестве консультанта пригласил своего приятеля Мишу Охремчука, мастера Нижнего склада, человека женатого, серьёзного и сдержанного в проявлении эмоций.

Витрина повергла их едва ли не в ужас, там всё блестело и переливалось. Они долго рассматривали броши, кольца, цепочки и ещё чёрт знает что, приценивались и оценивали качество изделий. Им надо было, чтобы качество соответствовало цене на бирке, а цена – содержимому кошелька Егора.

Молоденькая миловидная продавщица в это время оценивала парней. Но поскольку она была более искушённой, то выбор сделала гораздо быстрее, чем покупатели.

– Молодой человек, – обратилась девушка к Егору и подарила ему очаровательную улыбку, – вы, наверное, ищите украшение для невесты? Презент?

Егор хотел ответить «да», но резкий толчок в бок замедлил ответ.

– Что вы, что вы! – замахал руками Миша. – Какие невесты? Мы парни свободные и только занимается поисками своих суженых. Ищем-с! А презент, как вы изволили вы-

разиться, надобен сестрёнке Егора. Ко дню, так сказать, её рождения.

– Егор! Какое чудесное имя! Настоящее русское! – восхитилась продавщица, вдохновлённая сообщением об отсутствии невесты, и посетовала на то, что вокруг одни иностранные Эдуарды да Игори.

– Имя, как имя, – пожал плечами Егор, продолжая разглядывать бижутерию. – И не русское оно, а греческое. В переводе означает «землепашец».

Второй толчок Михаила был ощутимее первого.

– А вас, милая девушка, как звать-величать? – разливался соловьем приятель.

– Ирина, – девушка мило покраснела и потупила глаза.

– Ирина? – имя любимой женщины оторвало Егора от созерцания украшений. – Так зовут...

Третий толчок был ощутимее двух предыдущих, вместе взятых.

– Надо же, какое совпадение! – радостно воскликнул Михаил и расплылся в счастливой улыбке. – Его сестрёнку тоже зовут Ирина.

– Егор, а вы уже что-нибудь присмотрели? – в глазах продавщицы начали вспыхивать огоньки надежды.

– Вот это, – он ткнул пальцем в первую попавшуюся на глаза цепочку с лепестком – ему хотелось поскорее уйти и высказать Мише всё, что он теперь о нём думает. Вы только посмотрите, каков хлыщ! Ишь, как раздухарился, как кры-

ля распустил перед молоденькой девчонкой! Вот вам и примерный семьянин! А как врать-то намастрячился?

– Эту цепочку? – ужаснулась продавщица. – Да вы что? Желтый цвет слезет с неё уже через месяц, а металл почернеет. И выбросит сестрёнка ваш подарок на помойку.

Девушка нырнула под прилавок, вынырнула оттуда с маленьким полиэтиленовым пакетиком и вытряхнула на ладонь Егора серёжки с голубыми прозрачными камешками, вытянутыми книзу наподобие сосулек.

– Это настоящая позолота. Хоть сто лет носи, такими же и останутся. Я себе отложила, хотела с полочки взять, – в голове просквозило неподдельное сожаление, но она махнула рукой и с наигранной беспечностью закончила: – Да ладно, пусть ваша сестрёнка носит.

– Спасибо вам, милая девушка, – поблагодарил её Миша и воздел руки к потолку. – Да ниспошлёт вам небо счастье!

Выйдя из магазина, Егор начал пенять Мише на его недостойное поведение, но тот, ставший вдруг опять серьёзным и сдержанным в проявлении эмоций, посмотрел на него и молча покрутил пальцем у виска.

Егор ещё раз бросил тоскующий взгляд в сторону общезития, стиснул серьги в кулаке, потом опустил руку вниз и медленно разжал пальцы. Голубые слёзы-сосульки бесшумно скатились в сугроб.

Сразу после новогодних праздников он положил на стол директора леспромхоза заявление на увольнение.

– Куда ты собрался уезжать? – спросил Иван Иванович.

– В Егоровский леспромхоз, это на Ангаре.

– Знаю, – кивнул головой директор, – там мой друг трудится, могу дать тебе рекомендацию.

Он ещё раз прочитал заявление и удивился:

– Но почему ты хочешь уволиться, если можно оформить перевод и сохранить выслугу, следовательно, и кадровые выплаты? Ты же отличный инженер, в объединении тебя ценят и пойдут навстречу.

– Я больше не инженер. Я буду работать на валке леса.

Через две недели Егор, перекинув через плечо свой выдавший виды студенческий рюкзачок с парой сменного белья, двумя нейлоновыми рубашками и прочим, необходимым на первое время, в той же куртке-спецовке уехал из посёлка.

К Ирине он так и не зашёл.

Глава 11

О том, что Егор увольняется и собирается уезжать из Радужного, Ирина узнала от жены его друга.

Лена, ворвавшись без стука в квартиру Ирины, вместо положенного приветствия прямо с порога возопила:

– Что же вы делаете-то, два недоумка? Пошто жизнь свою рушите?

Растерявшаяся Ирина предложила неожиданной гостье пройти, присесть на табуретку, но та продолжала стоять у дверей.

– Вы знаете, что Егор уезжает?

При этих словах сердце Ирины ухнуло и начало медленно сползать в район пяток, а кто-то невидимый стиснул виски стальным обручем и, уменьшая его диаметр, начал профессионально затягивать гайку. Но внешне она оставалась спокойной и даже заставила себя улыбнуться.

– А в чём дело? Разве есть что-то необычное в том, что человек куда-то уезжает или, наоборот, приезжает откуда-то? Почему же отъезд Егора должен быть исключением? Да вы проходите, присаживайтесь.

Ошарашенная её спокойствием, Лена оторвалась от дверной ручки и бухнулась на стул.

– Егор вас любит, я думала, что и вы его тоже.

– Любит? – удивилась Ирина. – Мне об этом сказать он

как-то не удосужился.

– Да разве об этом обязательно говорить? Это и без слов понятно. Егор ходил последнее время сам не свой.

Лена обвела взглядом комнату, остановила его на Ирине и увидела перед собой красивую молодую женщину, бездушную и холодную, как их сибирский снег. «Беда с этими интеллигентами, – подумала Лена. – Передо мной форс держит, а уйду сейчас – завоет белугой. Любит же она Егора, любит! А притворяется. И Егор тоже хорош! Зачем-то бежать надумал. Неужто не знает, что от любви никуда не убежишь? Если она настоящая, любовь эта окаянная, то с ним и поедет. Нет, у нас, простых людей, всё намного понятнее».

Она встала, вежливо попрощалась и закрыла за собой дверь.

А Ирина бессильно опустилась на ту же табуретку и надолго застыла в неподвижности. «Егор вас любит...» С того памятного разговора даже ни разу не пришёл. Уезжает? Наверное, так лучше для всех. Но почему Ирине так невыносимо больно?

Тишину нарушало только тиканье старенького будильника, равномерно отмеряющего её жизнь, теперь уже без Егора, да в такт этому тиканью обречённо пульсировало в висках: «Вот и всё... вот и всё... вот всё...».

Посёлок бурлил. Мнения людей относительно отъезда Егора разделились. Одни считали, что в этом вина Ирины Павловны, а Егора жалели. Другие, наоборот, в разрыве их отношений обвиняли Егора, а жалели Ирину Павловну. И только в одном был достигнут полный консенсус: Егору давно уже пора создать свою семью, а не содержать великовозрастную сестрицу. Ну и что с того, что Катерина студентка? Ну, и что, что ей помогать надо? Надо-то, оно, конечно, надо. Никто и не спорит. Но и о себе забывать не резон. Можно подумать, что только одна Катерина где-то там обучается. Да у них в посёлке десятка два студентов наберётся, только те сами себя учат. Если стипендии не хватает, то и подработки не чураются. Вон Зина Капустина полы в общежитии мыть подрядилась и моет их уже четвёртый год. Да и обучается Зина не в каком-то там пединституте, а в самом университете!

Эти разговоры ещё больше настроили Катерину против Ирины, что было вполне предсказуемо и где-то даже логично: не приехала бы Ирина в Радужный – не выкинул бы такого фортеля Егор и уезжать никуда бы не собирался, а так же вкалывал бы и рта не раскрывал. Это всё Ирина, это она брата настроила не только против сестры, но даже – страшно подумать! – против мамы! Влезла скользкой гадюкой в их

семью и весь прежний уклад нарушила.

Дарья ходила с таким скорбным лицом, который иначе, как лик великомученицы, и назвать невозможно. Нет, она плохого об Ирине не говорила, просто при упоминании её имени горестно поджимала губы и во взгляде читалась покорность судьбе. А судьба Дарьи, конечно же, целиком и полностью зависит от Ирины. В общем, комедия продолжалась, несмотря на отсутствие одного из её главных героев.

Вот так, в паутине пересудов и прожила Ирина долгие четыре месяца.

Потом появились другие темы, они сменяли друг друга, и в их чередё история Егора и Ирины сначала потеряла свою актуальность, а потом и вообще оказалась на задворках памяти Радужного. Только иногда нет-нет да и поинтересуется кто-нибудь у Дарьи, полный ли разрыв у её сына с врачом, или есть какие-то иные сведения по этому делу? Дарья горестно вздыхала и большей частью отмалчивалась – понимай, мол, как знаешь.

У Ирины о Егоре никто ничего не спрашивал.

Вскоре на смену суровой сибирской зиме пришла долгожданная весна, а с ней и письмо от матери.

«Доченька, – писала она, – Володя Самарцев теперь работает в нашей городской больнице невропатологом. Но Восьмое марта приходил к нам, принёс шикарный букет тюльпа-

нов (бешеных денег стоит!) и торт. Всё о тебе расспрашивал. Ирочка, мне кажется, что он до сих пор тебя любит, и мы с папой были бы счастливы, если бы у вас с ним что-то сложилось! Тебе ведь тот дровосек совсем не пара...»

«Дровосек» Егор, когда Ирина их познакомила, им сразу не понравился.

– Не нашего круга, – поморщилась мама.

– Да, да, – согласился с ней папа.

Володя был их соседом. Медицинский институт он окончил на два года раньше Ирины, отработал три года по направлению и вот, оказывается, вернулся в родные пенаты. А ещё он давно и безнадежно влюблён в Ирину. После её замужества Володя исчез, но, узнав о том, что Ирина опять одна, опять появился на горизонте. А что? Парень он хоть куда! Умён, красив, интеллигентен. Из семьи потомственных врачей. Династия, одним словом. Чем не муж? Ирина попыталась представить себе семейную идиллию с человеком «их круга» Володиёй Самарцевым, но вместо него почему-то всё время появлялся «дровосек» Егор Вершков.

Пришла весна, а с нею – перемены. Ирину по её настоятельной просьбе вскоре переведут в ЦРБ, через два месяца она уйдёт в очередной отпуск и навсегда покинет Радужный. Уедет без сожаления, вычеркнет его из своей памяти и сожжёт за собой все мосты. Слишком жестоко обошлись с ней те, которым она так верила. Люди, которых она так любила,

перед которыми настезь распахнула сердце и душу, её подло предали. Они просто взяли и растоптали её, Ирину. Даже не так. Они использовали её в своих целях, а потом вытерли о живого человека ноги, обутые в грязные сапоги. И неважно, что этих людей было только двое. Важно, что они были.

Глава 12

Старенький АН-2, следующий рейсом «Усть-Уда – Аносово – Аталанка – Карда – Подволочное», тряся, как в лихорадке. Постоянные пассажиры давно уже привыкли к такому «сервису» и не обращали на лихорадку «Кукурузника» никакого внимания, но вот Егору, впервые воспользовавшемуся этим видом транспорта, пришлось несладко. А тут ещё взлёт каждые пятнадцать минут чередовался с посадкой. Наконец, Карда, конечный пункт его воздушной одиссеи. Через полчаса он пойдёт к дому своих старых знакомых, год назад уехавших из Радужного и, по словам Виктора Королёва, бывшего моряка, бросивших якорь в его родном посёлке на берегу Ангары.

Но всё пошло не так.

Увидев среди прилетевших незнакомое лицо, пожилой начальник аэропорта поинтересовался, к кому оно прибыло, а услышав ответ, присвистнул и доложил, что Королёвы уж полгода, как перебрались в Аносово, на центральный участок леспромхоза.

– Да ты, паря, не переживай, – попытался утешить вконец расстроенного Егора добрый человек. – Айда в аэропорт, там покумекаем, чем тебе можно помочь.

В здании аэропорта было тепло и даже как-то уютно. По периметру небольшого коридора вдоль стен стояли сту-

ля, на один из которых незадачливый путешественник бросил рюкзак, а сам сел на другой. По-стариковски кряхтя и покашливая, начальник поднялся на вышку и вскоре оттуда донесся его хрипловатый голос.

– Михалыч, дай-ка мне ещё одну посадочку, когда Валерка с Подволочной вертаться зачнёт. Тут пассажир образовался до Аносова. Что? Да какой тебе, на хрен, конец светового дня, когда время только за полдень едва перевалило? С Валеркой переговорить? Ты даёшь «добро»? Ладно.

После минутного молчания опять раздался голос начальника:

– Валера, сынок, это Капустин тебя потревожил, ты уж не серчай на старика, – убедительно покашлиал в трубку и высморкался. – Забери у меня пассажира до Аносова. Парню неправильный ориентир дали, вот и попал он в ситуацию, а у него тут даже знакомых нет.

Последняя фраза была произнесена дрожащим голосом и чуть ли не со слезой. Но потом в голосе послышалась радость:

– Вот спасибо тебе, сынок, вот спасибо!

Спустившись вниз, старик посмотрел на тяжёлые тучи, медленно ползущие с севера. Лётный световой день, действительно, подходил к концу.

– Однако, скоро занепогодит. В таких случаях борт остаётся на ночь в том пункте, где его ненастье настигнет. Но ты не переживай, Валерка парень отчаянный, язви его, хоть

и молодой, но опытный. Да и ухажёрка у него в Усть-Уде завелась, к ней поспешать будет, так что по любому вертаться значёт. А то давай я к Витькиному отцу тебе дорогу покажу, или у меня заночуешь. Мы со старухой вдвоём остались, дети поразъехали. А завтра и улетишь, завтра ещё постоит лётная-то.

– Нет, – покачал головой Егор. – Полечу в Аносово. Вы же сами говорили, что приборы неблагоприятный прогноз дают.

– Приборы? Каки таки приборы? – удивился старик. – Энтим побрякушкам я не верю.

И, пренебрежительно махнув рукой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, где находилось всё его хозяйство, доверительно сообщил, что его «приборы» – это спина и ноги.

Вскоре послышался звук самолета, старик надел форменную шапку и направился к выходу. Вслед за ним вышел и Егор.

Валера, один из двух летчиков, широкоплечий статный парень в ладно подогнутой зимней форме и обутый в тёплые унты, легко спрыгнул с подножки «Кукурузника», заполнил в документе положенные графы и похлопал Егора по плечу.

– Что, друг, визуальная подвела?

Тот виновато улыбнулся – столько хлопот доставил людям!

– Не горюй, мы тебя мигом доставим, куда надо! Кралю, поди, разыскиваешь?

И, не дожидаясь ответа, первым запрыгнул на борт.

– От винта! – раздалось в морозном воздухе.

Услышав отчаянный лай собаки, хозяин вышел на улицу и увидел стоящего возле калитки Егора.

– Ба! Глазам своим не верю! Егор Вершков собственной персоной! Какими судьбами?

Он обнял гостя, прикрикнул на собаку:

– Шельма, цыц! Свои! – и спохватился:

– Да что же это мы на морозе стоим? Давай, заходи в избу.

Его жена Галка тоже была рада неожиданному появлению своего одноклассника и тут же захлопотала, собирая на стол.

– Как ты в наших краях очутился? – поинтересовался Виктор. – Неужели старую дружбу вспомнил и решил нас навестить?

– Не совсем так, хотя о нашей дружбе я никогда не забывал. О том, что собираюсь к вам приехать, я вам две недели назад письмом сообщил.

– Галина и Виктор растеряно переглянулись – никакого письма они не получали.

Егор улыбнулся и объяснил:

– Только отправил его на ваш прежний адрес, в Карду.

В Карде я уже сегодня побывал, тем же бортом в Аносово прилетел. Приехал я не в гости, хочу устроиться на работу в Егоровском ЛПХ.

– Здорово! Нам как раз механик нужен, прежний на пенсию месяц назад вышел.

Галка тоже была обрадована тем, что хоть один земляк будет жить рядом (она очень скучала по Радужному), и на вопрос Егора, есть ли в Аносово общежитие, утвердительно качнула головой, но при этом категорически заявила:

– Никаких общежитий! Будешь жить пока у нас, а я помогу тебе в течение месяца получить квартиру. Кстати, у нас ведь и Ирине Павловне работа найдётся. Правда, здесь свободна только ставка фельдшера, но это временно. Потом опять терапевтом будет работать.

– Ирина Павловна не приедет.

– Почему? – удивилась Галка. – Мне казалось, да и не только мне одной, что у тебя с ней серьёзно. И наша Зойка писала, что дело к свадьбе идёт.

Её сестра Зоя работала десятницей на Верхнем складе и, естественно, находилась в курсе всех событий в Радужном. Даже тех, которые только в перспективе могли иметь место быть или не быть вовсе.

Галка осуждающе покачала головой и добавила:

– Смотри, Егор, пробросаешься такими женщинами, потом локти кусать будешь!

– Где-то я это уже слышал, – вспомнив Лену, усмехнулся

Егор и обратился к Виктору:

– Давай перекурим эту тему и перейдём к другой. Сейчас меня интересует только работа. Виктор, я знаю ещё по Радужному, что ты хороший вальщик...

– Ещё бы! – перебил его Виктор и с нескрываемой гордостью произнёс: – Меня ведь сам Вершков учил лес валить, твой батя!

– Ну, вот, а теперь ты будешь обучать этому мастерству его сына, – улыбнулся Егор. – Я не механиком здесь устраиваться буду, вальщиком.

– Вальщиком?! Это с твоим дипломом и мастерством?! Ты же механик от бога!

Виктор отказывался верить своим ушам, но Галка своим женским чутьём поняла всё: и внезапное появление Егора в Аносове – не выдержал рабства в собственной семье, и его решение пойти на прямые работы – нужны деньги, чтобы одеться по-человечески. А причину разрыва отношений с Ириной объяснить ещё проще. «Без Катерины тут не обошлось», – подумала она и, оставив мужиков наедине, пошла стелить гостю постель.

– Знаешь, Витя, не всё так просто в этой жизни, – прикуривая папиросу от сигареты хозяина, задумчиво произнёс Егор, – подшутила надо мной судьба, поманила лакомым кусочком, подразнила, да с ним же и отвернулась.

Виктор с расспросами не лез, если надо, человек сам расскажет, в чём причина его такого скоропалительного реше-

ния смены и места жительства, и работы. Но Егор ни о чём не стал рассказывать.

Они молча покурили, потом вспомнили беззаботные годы холостой молодости Виктора, перебрали всех своих знакомых, одним словом, засиделись допоздна.

– Ого, ничего мы с тобой, друг, разговорились, петухи давно уже полночь прокукарекали, – взглянув на часы, удивился Егор и аккуратно затушил папиросу в консервной банке, заменяющей пепельницу. – Пошли спать, тебе завтра рано на работу, а мне – в контору. Так нужны здесь вальщики-то или нет? Есть надежда, что я, как и ты, брошу на Ангаре свой якорь?

– Вальщики всегда нужны. И везде, – прищурившись от табачного дыма, ответил Виктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.